

Нечестивец

Автор:

Шеннон Дрейк

Нечестивец

Шеннон Дрейк

Графа Брайана Стерлинга прозвали чудовищем. Замкнутый, жестокий, он жил за каменными стенами фамильного замка, скрывая изувеченное лицо под маской. Много лет назад на раскопках в Египте погибли его родители. Лорд Стерлинг одержим жадой мести. Однажды в его владения проник вор, надеясь поживиться древними артефактами. Граф поймал воришку, но за него явилась просить очаровательная Камилла Монтгомери. Леди работала в Британском музее и оказалась весьма полезной Стерлингу в его расследовании. События развивались стремительно: загадочные смерти, ожившие мумии, укусы ядовитых змей... Камиллу начинают терзать сомнения: кто стоит за всем этим? И кем же является граф: избранником судьбы или сумасшедшим убийцей?

Шеннон Дрейк

Нечестивец

Фрэнси Нолин – с неизменной любовью, благодарностью и наилучшими пожеланиями

Пролог

Без маски

Оставалось только бежать. С молитвой – ее единственной надеждой на спасение!

Несомненно, скоро прибудет полиция. Конечно же прибудет.

Нет – она хватается за призрачную надежду. Никто не убит, полицейские не придут в замок. Но не надо непрестанно об этом думать, паника ей ни к чему. Надо собраться с мыслями, пока она бежит.

Она сейчас была далеко от громадного замка Карлайл и слышала только свое тяжелое дыхание. Поднялся ветер, заколыхал вершины деревьев, сомкнувшихся над ее головой. Она обрадовалась, надеясь, что разгулявшаяся стихия разгонит туман, который обычно висел в этих лесах неподалеку от вересковых пустошей.

Сейчас полнолуние. Если туман рассеется, ночь будет светлая, она сможет лучше рассмотреть дорогу. Но и тем, кто ее преследуют, это может сыграть на руку.

Она несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Решив, что может двигаться дальше, медленно повернулась на месте, пытаясь сориентироваться. В голове была одна мысль – надо спастись бегством.

Дорога вела на восток. Дорога в Лондон, к цивилизации, к здравому смыслу. Там должна быть карета, увозящая гостей графа обратно, в город. Если бы ей удалось перехватить ее... пока убийца не наткнулся на нее.

Она уверена: он давно ведет эту игру и приходит лишь для того, чтобы удостовериться – не проболталась ли она о том, что ей известно, не выдала ли тайн замка Карлайл.

Туман клубился во тьме под порывами ветра, и вихрь донес до нее жутковатое завывание. Волки выли на луну. Но она сейчас несколько не боялась волков Карлайла. Потому что знала, кого действительно надо бояться. Чудовища, что являлось в человеческом обличье.

Треск валежника предупредил ее, что кто-то приближается к ней. Она насторожилась, уповав в молитве на то, что инстинкт подскажет ей, куда

бежать, где искать спасения... Но ее преследователь уже близко, совсем рядом.

Беги!

Мысленный окрик заставил ее собраться с силами – но поздно. Он вышел из-за куста прямо перед ней.

– Камилла!

Голос был ей знаком – очень хорошо знаком. Она застыла на месте, затаив дыхание, сердце замерло. Она пристально вглядывалась в мужчину – лицо под маской.

Ее пальцы прикасались к нему, глаза видели его в скоротечные мгновения страстного забытья. Лицо поразительное: грубые, суровые черты, но странно притягательные – волевой подбородок, прямой, красиво вылепленный нос. И глаза...

Его глаза она видела ясно – всегда. В них то горел вызов и высокомерное презрение к ней, то лучилась нежность.

Время как будто остановилось – ни шума леса, ни движения воздуха. Она продолжала смотреть на него. Так где же маска? Те странные кожистые складки, словно у зверя? Это человеческое лицо – самое потрясающее из всех, что ей доводилось видеть, – жесткое и суровое, словно высеченное из скалы, как лицо древнего божества.

Кому верить? Озверевшему хищнику или праведному, сильному человеку?

– Камилла, прошу, ради бога. Пойдемте со мной. Ну пойдемте же.

Пока он говорил, она слышала звук шагов позади себя. Кто-то еще? Спаситель? Из тех, кто некогда увлекался ею? Однако все они увлечены тайнами и древними сокровищами. Лорд Уимбли, Хантер, Обри, Алекс... о господи, прости, сэр Джон.

Она быстро обернулась – к ним сквозь подлесок пробирался мужчина.

– Камилла! Слава богу!

Он подошел к ней.

– Только тронь ее – и ты труп, – прорычал тот, кого все называли чудовищем.

– Он убьет вас, Камилла, – тихо позвал другой голос.

– Никогда!

– Вы же знаете – он убийца, – настаивал второй. – Ради бога, Камилла, он – чудовище. Ведь это доказано.

Она переводила взгляд с одного на другого, не в силах разрешить мучительные сомнения. Да, один из них, несомненно, убийца.

А другой – ее спаситель. Но который из них?

– Камилла, быстро, только осторожно... идите ко мне, – позвал один.

Тот, кого она знала как чудовище, поймал ее взгляд.

– Подумай, не торопись, моя любовь. Вспомни все, что ты видела, поняла... и почувствовала. Вспомни все, Камилла, и спроси себя, кто из нас чудовище.

Вспомнить? С каких пор? Все слухи и ложь? Или тот день, когда она пришла сюда, в замок, и впервые услышала звук его голоса.

В тот день она встретила чудовище.

Глава 1

– Боже праведный, что он натворил на этот раз? – взволнованно спросила Камилла, глядя на Ральфа, верного слугу Тристана, – привлекательного мужчину и, к несчастью, его компаньона в преступных похождениях.

– Да ничего! – негодуя отозвался Ральф.

– Ничего? Тогда почему с трудом переводишь дух и смотришь на меня просительно? Что, снова нужно выволакивать моего опекуна из камеры, борделя или какого-нибудь притона?

Она понимала, что высказалась резко, но Тристан был обречен попадать в переделки. Ее негодующий тон ясно давал понять: пусть сам справляется со своими проблемами, она не полезет из-за него в пекло. И Ральф прекрасно знал причину этой злости.

Тристан Монтгомери не пользовался уважением, с каким обычно относятся к опекунам, хотя судьба и наделила его весомым положением – в те времена титул значил больше, нежели характер и состоятельность его обладателя.

Но двенадцать лет тому назад он спас ее от рабочего дома, а то и чего-либо худшего. Камилла вздрогнула, подумав о сиротах, брошенных на произвол судьбы, без гроша в кармане. Нельзя сказать, что Тристан действовал наилучшим образом, но с того самого дня, когда впервые увидел ее подле остывающего тела матери, он привязался к ней всем сердцем и делился с ней всем, чем располагал сам. И она не могла не отплатить ему тем же.

Повзрослев, Камилла решила подарить ему большее – стабильность! Достойное место в обществе. Семейный очаг. Приличное будущее, наконец...

К счастью, Ральф догадался подождать ее за углом, не зашел в Британский музей – его потрепанный вид и тревожный шепоток могли стоить ей работы, а она слишком долго ее добивалась! Камилла знала о Древнем Египте больше, чем те, кто бывал на раскопках, но даже сэр Джон Мэттьюз поджал губы и хмыкнул, услышав о прошении допустить женщину до такой работы. Участие сэра Хантера Макдональда только подлило масла в огонь. Хантеру Камилла очень понравилась, но его неуместные восторги могли сыграть и против нее в этом споре. Он считал себя опытным исследователем, первопроходцем – такие обычно не одобряют вторжение суфражисток в мужские дела, искренне полагая,

что прекрасной половине суждено пребывать у домашнего очага. Тем не менее Алекс Миттлмэн, Обри Сайзмор и даже лорд Уимбли склонны были без лишних споров принять решение в ее пользу. К счастью, мнение лорда Уимбли и сэра Джона оказалось решающим.

– Честное слово, Тристан ничего не натворил. – Ральф покраснел. Он был невысок и даже в шляпе не выглядел солидным, но весьма проворен, двигался быстро и мягко, словно крадущаяся рысь.

Камилла догадывалась, что Тристан, возможно, и не совершил пока ничего противозаконного, но явно замыслил нечто подобное, уж если его слуга явился столь внезапно и был взволнован.

Она обернулась. Надо же так подгадать: ученые хранители музея как раз выходили из грандиозного здания и в любой момент могли натолкнуться на нее. Вот показался и Алекс Миттлмэн, компаньон сэра Джона. Если он увидит ее, непременно подойдет поговорить и навяжется в провожатые – до подземки. Надо поспешить.

Она ухватила Ральфа за локоть и увлекла дальше по улице. Ветер остудил ей спину колким ледяным дыханием. Нет, вряд ли ветер. Верно, это преждевременный страх холодком змеился по жилам.

– Быстро выкладывай мне все, что знаешь! – не на шутку встревожилась Камилла. Тристан был сообразителен, невероятно начитан – в юные годы он совмещал респектабельное образование у многочисленных тьюторов с уличными университетами. Он привил ей вкус к многому – к языку, чтению, искусству, истории, театру... Втолковал ей, что в обществе, как правило, встречаются по одежке: восприятие – главный закон социума. Если она говорит скучно, но правильно и одета как благородная леди – ее за таковую и примут.

Он сам был весьма наблюдателен и восприимчив, его суждения восхищали Камиллу. Но порой казалось, что здравомыслие ему незнакомо!

– Вот и «Даугрей». – Ральф указал на паб впереди.

– Тебе не следует увлекаться джином! – укорила его Камилла.

– Ну да, как же без этого! – тихо простонал коротышка.

Камилла вздохнула. Завсегдатаями «Даугрея» были представители рабочего класса, но этот паб все же лучше прочих притонов, куда захаживали Тристан с Ральфом. И сюда охотно допускали женщин, тем более что в последнее время многие из них влились в ряды наемной силы городских канцелярий.

Камилла всегда тщательно выбирала свой наряд, стараясь выглядеть соответственно своей должности – ассистент сэра Джона Мэттьюза, администратора достославного отдела египетских древностей. Темно-серая юбка с небольшим турнюром, блузка чуть светлее, хорошего кроя, с чопорным воротничком под горлышко. Накидка из дорогой ткани – эту изящную вещь некогда пожертвовала Армии спасения одна великосветская леди – удачно завершала ее наряд. Роскошные густые золотисто-каштановые кудри – гордость Камиллы – были тщательно зачесаны вверх и зашпилены. Она не носила никаких драгоценностей или иных украшений, кроме простого золотого кольца, которое Тристан нашел тогда у ее матери; с тех пор она всегда носила это колечко, в детстве – на цепочке, а теперь на пальце.

Она не думала, что в этом пабе на них обратят внимание.

– Прячемся? – прошептал Ральф.

– Послушай, мы можем пройти к дальним столикам?

– Камилла, если ты пытаешься остаться незамеченной, имей в виду: каждый парень в этом пабе уже поглядел в твою сторону.

– Не преувеличивай.

– А все твои глаза, – пояснил Ральф.

– Обычные, карие, – раздраженно бросила она.

– Нет, милая девушка, – они золотые, но порой сияют зеленью, как Изумрудный остров Ирландии. Этого трудно не приметить. Парни так и смотрят на тебя – те, кому положено. – Он оглядел зал и нахмурился. – И те, кому не положено.

– Ральф, это меня не волнует. Идем, прошу тебя!

Она не мешкая увлекла Ральфа в дальний угол помещения и заказала ему джин, а себе чай.

– А теперь, – приказала она, – говори!

Ральф подчинился.

– Ты же знаешь, Тристан очень любит тебя, крошка, – начал он издалека.

– Я тоже обожаю его. И я уже не крошка, слава богу! – резко возразила Камилла. – Быстро говори, из какой беды мне надо выручать его на этот раз!

Ральф забормотал что-то, уткнувшись в стакан с джином.

– Ральф! – Ее властный тон вынудил его сдаться.

– Он попал в руки к графу Карлайлу.

Камилла прерывисто вздохнула. Она ожидала чего угодно, только не этого – и заранее отчаялась.

Ну да – тот самый граф Карлайл, известное чудовище. И не только потому, что чудовищно обращается с наемными работниками, слугами и равными себе, – он действительно монстр. Его родители получили наследство и, разбогатев сверх меры, увлеклись археологией. Вскоре они провозгласили себя великими знатоками и стали скупать антиквариат. Заразившись страстью ко всему древнеегипетскому, они предпочли поселиться в Каире. Их единственный сын приехал в Англию, чтобы получить университетское образование, но затем последовал по их стопам.

Как писали газеты, на семью вскоре свалились несчастья, – якобы они стали жертвой проклятия, когда открыли гробницу древнего служителя культа, где оказалось множество драгоценных вещей. Среди артефактов обнаружили и канопу – сосуд с крышкой, в котором хранилось сердце возлюбленной наложницы жреца. Бытовало мнение, что она была колдуньей и магическое

проклятие легло на того, кто посягнул на ритуальный сосуд. Сообщали, что один из египтян, нанятых для раскопок, пророчил неисчислимые бедствия тому жестокому себялюбцу, который не побрезговал украсть сердце из царства мертвых. Граф с супругой тогда лишь посмеялись над темным проповедником, но легкомыслие дорого им обошлось: через несколько дней они умерли – оба, и при загадочных – просто кровь стынет в жилах! – ужасающих обстоятельствах.

В то время их сын, ныне здравствующий граф, служил в кавалерии ее величества и участвовал в подавлении восстания мятежников в Индии. Когда до него дошли печальные известия, он едва не помутился рассудком и в очередной стычке сражался так безоглядно, что королевское войско понесло значительные потери. Карлайл тогда все же одержал победу, но раны его были тяжелы, и шрамы обезобразили его. Он озлобился на весь свет. Поговаривали о проклятии, перешедшем к нему по наследству, так что, несмотря на огромное состояние, новоиспеченный граф так и не смог подыскать себе жену на светских раутах в Лондоне.

Сплетничали, будто молодой граф безобразен до умопомрачения и лицом и телом. А кроме того, груб, зол и мрачен, как и то иссохшее сердце, что прибыло в замок Карлайл в египетском ритуальном сосуде.

Говорили также, что реликвия исчезла из замка, и добавляли: сердце этой мумии теперь заняло достойное место в груди нечестивого повелителя Карлайла. Он ненавидел всех и вся. Жил отшельником в своем громадном запущенном поместье и наказывал всякого, осмелившегося проникнуть в окружающие его жилище дебри, – или стрелял самолично, или преследовал в судебном порядке.

Этого было более чем достаточно, и если бы Камилла не читала газет, то так или иначе слышала подобные пересуды о Карлайле между коллегами в Египетском отделении музея и знала наверняка: многое недоговаривалось.

Так что Ральфу не пришлось долго разглагольствовать, чтобы потрясти ее до глубины души.

Внешне она осталась бесстрастной и постаралась, чтобы голос ее не дрожал:

– И как же Тристану удалось досадить графу Карлайлу?

Ральф допил джин, поморщился, затем откинулся на стуле и посмотрел на Камиллу:

– Он наскочил на него по... ну, в общем, караулил экипаж с северной дороги...

Камилла шумно вздохнула и тревожно взглянула ему в лицо:

– Он что, хотел кого-то ограбить, как заурядный разбойник? Лучше бы застрелился – ведь его повесят!

Ральф заерзал на стуле:

– Ты же понимаешь – ничего такого и быть не могло. Мы никогда не лезли на рожон.

От отчаяния у Камиллы щемило сердце. Она едва устроилась на работу! На вполне солидную должность. Работа была ей по душе, к тому же неплохо оплачивалась. На этот заработок вполне можно прокормиться вдвоем – да и Ральфу хватит, если не роскошествовать. Так кому нужно сомнительное, преступное трюкачество Тристана?

– Умоляю, скажи мне, почему вас, двух дуралеев, не убили на месте? – простонала она.

Ральф захлопал ресницами и попытался защититься:

– Все потому, что Тристан не надышится на тебя, Ками. Ему хочется найти средства, чтобы достойно устроить твою жизнь в светском обществе.

Камилла смотрела на него не мигая, и ярость вскипала в ее сердце, но она заставила себя успокоиться. Ведь можно просто объяснить Ральфу, что она никогда не займет никакого положения в свете. Возможно, ее отец был благородным джентльменом и даже тайно обвенчался с ее матерью. Колечко, что она носила, было доказательством тому, что тот мужчина испытывал достаточно нежные чувства к ее матери, – по крайней мере, он вложил некую долю своей страсти в эту изящную драгоценность.

Все полагали, что Камилла – дочь одного дальнего родственника Тристана, которому был пожалован дворянский титул за безупречную службу во благо отечества в Судане. Но от истины все это далеко. Так что вряд ли можно говорить о приличном замужестве, когда даже о выездах в свет не приходилось мечтать. Посмей она высунуться – свет узнал бы правду.

А правда выглядела неприглядно. Ее мать была проституткой; умерла она в восточном районе Лондона, Уайтчепеле – пристанище бедняков. Некогда она мечтала совсем об иной жизни. Но влюбилась – и ее выслали подальше, лишив и наследства, и содержания. Кто бы там ни был ее отец, но в девять лет Камилла его уже не помнила. Тэсс Жардинель погибала там же, где и работала, – на улице Ист-Энда. Если бы Тристан в тот день не подошел...

Камилла тяжело вздохнула:

– Ральф, пожалуйста, объясни подробнее.

– Ворота были приоткрыты, – проронил он с невинным видом.

– Были приоткрыты? – недоверчиво уточнила она.

– Ну... то есть были заперты, но в стене имелась выемка, и Тристану захотелось проникнуть за ворота.

– Ну конечно, он искал приключений!

Ральф вспыхнул, но молча снес ее выпад.

– Легавых там нет. Это было вечером. Говорят, там волки рыщут по лесу, но ты же знаешь Тристана. Ему захотелось рискнуть.

– Ну да. Чтобы полюбоваться пейзажем при лунном свете?

Ральф сконфуженно пожал плечами:

– Понимаешь, Тристан думал подобрать там какие-нибудь побрякушки... они могли просто валяться, но их можно продать за хорошие деньги, если знать

кому и где. Вот и все. Никакого гнусного преступления. Он надеялся найти какой-нибудь пустяк, вовсе не нужный тому важному графу, но за который можно выручить кучу денег, если поторговаться как надо.

– Черный рынок?

– Он ведь хочет как лучше – для тебя. А тут еще тот молодой человек в музее – уж очень он интересовался!

Камилла невольно вытаращила глаза. Ральф явно имел в виду сэра Хантера Макдональда, консультанта лорда Дэвида Уимбли и ведущего специалиста античного отдела, – у него за плечами богатый опыт участия в археологических экспедициях в Египте и не менее богатые возможности тратить свои средства на музейное дело.

Хантер обладал привлекательной внешностью, был напорист и решителен. Да и титул свой завоевал на ратной службе. Высок, широкоплеч, обворожителен, и язык хорошо подвешен. Камилле нравилось общаться с ним, но держалась она строго. Несмотря на все его галантные попытки наладить более близкие отношения, она помнила о своем происхождении и не поддавалась на его лесть. Не раз она вспоминала свою мать, одинокую и прекрасную, поверившую такому же обольстителю и безрассудно отдавшую ему свое сердце.

Камилла знала, что небезразлична Хантеру, но ни о каком совместном будущем – в ее положении – и речи быть не могло. Какие бы комплименты он ни рассыпал, она знала: ее он не поведет знакомиться со своей матушкой.

Она не могла допустить близких отношений вне брака, ей ни к чему кружить себе голову любовью. Камилла блюла свою честь и достоинство – и положение в обществе, – чего бы это ей ни стоило. Мысль о том, что она может потерять работу в музее, была невыносима, и отныне она решила вести себя еще осторожнее.

– Ральф, мне не нужен молодой человек, который не интересуется собственно моей персоной.

– Да, все это разумно и правильно, Камилла. Но мы живем в обществе, где принято гнаться за родством или богатством.

Она едва не застонала.

– Запись об аресте или отбывании срока, да и просто опекун, поселившийся в Ньюгейте,[1 - Ньюгейт – тюрьма в Лондоне.] – и прахом пойдут и моя родословная, и мое богатство, Ральф.

– Да ладно, не переживай, Камилла. Мы и вправду не замышляли никакого зла! Знаешь, преступников и разбойников уважают и прославляют в легендах, потому что они отнимали у богатых и отдавали бедным. Нам повезло быть бедняками.

– Преступники и разбойники частенько болтались в петле! – напомнила Камилла, сверкнув глазами. – Вы словно испытываете мое терпение. Сколько раз я уже пыталась объяснить вам обоим: кража – это не просто грех, это преступление!

– Ах, Камилла, ты – дитя! – пробормотал несчастный Ральф. Он снова уставился на стол. – Можно еще джину?

– Разумеется, нет! – отрезала Камилла. – Сам подумай, как свести концы с концами в этой истории, чтобы я хоть представляла, что можно сделать! Где сейчас Тристан? Его уже доставили к судье? И что я смогу со всем этим поделать? Если Тристана поймали...

– Он оттолкнул меня в кусты и позволил им схватить себя, – сказал Ральф.

– Так его арестовали? – спросила Камилла.

Ральф покачал головой, покусал губы и признался:

– Он в замке Карлайл. То есть я думаю, что он еще там. Я сразу со всех ног побежал к тебе.

– Боже мой! Его наверняка уже отвезли в тюрьму! – воскликнула она.

К ее удивлению, Ральф снова покачал головой:

– Нет, понимаешь, я слышал это чудовище.

– Что?

– Он был там. Граф Карлайл. Верхов на огромном вороном жеребце, очень зловещем с виду. Громадный – слов нет! Он кричал слугам, чтобы непременно задержали нарушителя, и что...

– Что же?

– Что он никогда уже не расскажет о том, что там увидел.

Камилла, смутившись, смотрела на Ральфа, и тот холодок, что прежде щекотал ей спину, теперь уколол в самое сердце.

– А ты что видел? – спросила она.

Он покачал головой:

– Я – ничего! Честно, ничего. Только слуг Карлайла. Они потащили Тристана в замок.

– Почему ты решил, что это был Карлайл? – спросила она.

Ральф содрогнулся и прошептал:

– Маска!

– Он носит маску?

– Ну да. Он – чудовище. Правда, ты же слышала.

– Он хромает, скособолен – и носит маску?

– Нет-нет, он громадный. То есть в седле он такой высокий. На нем маска. Кожаная, напоминает морду зверя. Что-то вроде льва. Или волка. А может,

дракона. В общем, страх, да и только. Его голос как рык... такой низкий, отвратительный, как у дьявола! Но это был он. Ну да, он!

Камилла пристально смотрела на Ральфа.

Он страдальчески потряс головой:

– Знал бы Тристан, что я приду к тебе с этим, он удавил бы меня, но... нельзя же его там оставлять. Даже если полиция и будет подозревать его как грабителя...

Да, так было бы лучше. Если бы Тристана доставили в Лондон для следствия и суда, она смогла бы на законных основаниях заплатить его адвокату. Она сама могла бы прийти к судье с мольбой пощадить этого сумасшедшего, сделав скидку на его возраст. Она могла бы... Бог знает, что еще она бы могла сделать.

Но Ральф утверждает, что Тристан все еще в замке Карлайл, его держит там хозяин, известный своей бессердечной жестокостью. Она встала из-за стола.

– Что ты собираешься делать? – спросил Ральф.

– А что еще остается? – Она устало вздохнула. – Еду в замок Карлайл.

Ральф вздрогнул:

– Я неправильно поступил. Тристан не позволил бы подвергать тебя опасности.

Ей было горестно видеть, как мучается Ральф, но чего еще он мог ожидать от нее?

– Я буду вести себя осторожно, Ральф, – уверила она, грустно улыбнувшись. – Тристан все-таки научил меня жульничать. Так что прикинусь невинной простушкой, и мне вернут опекуна, вот увидишь.

Ральф вскочил со стула:

– Ты не пойдешь одна!

– А я вовсе и не хотела идти туда одна, – бросила она сухо. – Сначала нам надо зайти домой, мне необходимо переодеться. Да и тебе тоже.

– Мне?

– Конечно!

– Переодеться?

– Восприятие – это главное, Ральф, – глубокомысленно изрекла она. – Пойдем. Пожалуй, надо поторапливаться. – Внезапно она обернулась к нему: – Ральф, никто не знает об этом, так? Никто не знает, что Тристан у графа Карлайла?

– Никто, кроме меня. Ну и тебя, конечно.

Внезапно она почувствовала, как сжалось ее сердце. Боже праведный, что бы там ни говорили про это чудище, граф Карлайл не способен вот так запросто... убить человека.

– Ральф, пошевеливайся, быстрее! – Она ухватила его за руку и потащила на улицу.

* * *

– Этот джентльмен отдыхает, – сообщила Эвелин Прайор, входя в рабочий кабинет. Она опустилась в одно из просторных мягких кресел перед камином. В кресле напротив сидел хозяин дома, задумчиво глядя на пламя и почесывая огромную голову ирландского волкодава Аякса.

Брайан Стерлинг, граф Карлайл, погруженный в свои мысли, устремил на нее невидящий взгляд из-под насупленных бровей. Через некоторое время он спросил:

– Сильно он поранился?

– Я бы не сказала, что сильно. Врач говорит, наш визитер просто еще не оправился от потрясения и боли; переломов, похоже, нет, только синяки и ссадины: он ободрался, когда карабкался по стенам, и ушибся при падении. Думаю, через несколько дней он совсем поправится.

– А он не будет по ночам шастать по дому?

Эвелин улыбнулась:

– Боже мой, конечно нет. Корвин всегда дежурит в вестибюле и коридорах. А все тайники у нас надежно заперты. Ключи от ворот только у вас и у меня. Даже если он и вознамерился побродить, ничего не найдет. Но он не сумеет – ему дали хорошую дозу настойки опия, чтобы снять боль.

– Да, не побродит особо. Корвин присмотрит, – уверенно сказал Брайан. В его большом замке было мало слуг. И трудно было понять, как же они управляют с обширным хозяйством, если не знать, что каждый, кто служил в его поместье, был графу не просто слугой, а другом. Преданным и верным. Спаянным с остальными общим делом и служившим хозяину на совесть.

– Вы правы, конечно. Корвин прилежен и внимателен, – согласилась Эвелин.

– Как вы думаете, что заставило этого человека поступить так? – спросил Брайан. Он снова отвел взгляд от пламени и посмотрел на Эвелин. – Угодья совсем заросли, настоящие джунгли. Удивительно, как он отважился на такой променад.

– Поместье было таким ухоженным при жизни ваших родителей! – пробормотала Эвелин.

– В Англии как зарядит дождь на год, еще не то увидите, дорогая, – ответил Брайан. – Так что у нас теперь джунгли и зоопарк! Зачем же он рисковал?

– Воришка прельстился несметными сокровищами, – предположила она.

– Но ведь не скажешь, что он работает на кого-то, так? – заметил он колко.

Эвелин беспомощно развела руками:

– Думаю, нет – он пришел украсть что-нибудь ценное, вот и все. Может, кто-то поручил ему разведать, чем вы владеете и что вам известно? Да, такое возможно.

– Завтра узнаю, – сказал Брайан и понял, что голос его прозвучал как-то мерзко и зловеще, а он вовсе не хотел этого. Однако жизнь в замке Карлайл шла своим чередом, а он все больше проникался безысходной жестокостью. Он объяснял эти приступы своей озлобленностью, полагая, что у него были на то веские причины. Дело не только в неразгаданных тайнах прошлого. Но и в будущем.

Эвелин тревожно взглянула на Брайана: ей не понравился тон его высказывания.

– Он сказал, что его имя Тристан Монтгомери. Он божится, что действовал в одиночку, но это вам и так известно, вы же сами с Корвином и Шелби нашли его там.

– Да, знаю. Он утверждает, что просто «споткнулся и упал». Как можно споткнуться о стену высотой в девять футов – этого я не знаю. Он клянется, что не замыслил ничего дурного и не собирался скрываться. Что ж, посмотрим. Завтра Шелби поедет в город и попробует кое-что разузнать про этого человека. Естественно, он погостит у нас, пока не обнаружатся его истинные намерения.

– Не прокатиться ли мне за компанию по магазинам? – предложила Эвелин.

– Возможно. – Брайан задумчиво вздохнул. – Пожалуй, и мне пора ответить на некоторые приглашения и нанести визиты.

Эвелин рассмеялась:

– А я сколько раз вам напоминала? Только не вселяйте ужас в сердца мамаш юных девиц на выданье!

– Да, об этом стоит подумать.

– Жаль, что у вас нет невесты или жены. Она очаровательно смотрелась бы рядом с вами. Лишнее подтверждение тому, что никаких проклятий на вашем доме нет и вы не изверг, а обычный мужчина, переживший трагическую гибель семьи.

– И это верно, – пробормотал он, задумчиво глядя на нее.

– О господи, только не смотрите на меня так! – засмеялась Эвелин. – Я старовата для этого, ваше сиятельство!

Ему пришлось ответить улыбкой на ее замечание. Эвелин была красавицей. В ее зеленых глазах светился ясный ум, и, хотя ей было под сорок, черты лица сохраняли такую безупречность линий, что казалось, она век останется юной, если Господь дарует ей столь долгую жизнь.

– Ах, Эвелин! Только вам известны все тайны моего сердца, и ни одна женщина никогда не сможет понять меня лучше... Но вы правы. – Его лицо словно окаменело. – И если мне повстречается подходящая партия, не следует впутывать юное создание во все эти шарады. Бог знает, с какими опасностями она тогда столкнется.

– Само собой, никто не станет посвящать невинное дитя в эти дьявольские хитросплетения! – прошептала Эвелин. – Возлюбленную нельзя подвергать опасности.

– Моя мать умерла, ведь так? – напряженно спросил он.

– Поймите, ваша матушка была незаурядной натурой. Образованная, целеустремленная, отважная, – ответила Эвелин. – Она отличалась от других женщин, второй такой теперь не сыскать.

– Нигде, – согласился Брайан. – Тем не менее мое сердце каменеет при мысли о том, что фанатики могли поднять руку на женщину. Но я все равно не спустил бы им, даже если эти изверги убили бы только моего отца. – И, замаявшись на секунду, решительно добавил: – Ах, Эвелин, я и сам не рад, что втянул в это вас.

Эвелин улыбнулась.

– На самом деле я и так все знала, – мягко напомнила она. – И не меньше вас согласна рисковать ради этого своей жизнью и всем, что имею. Но до сих пор не верится, что мне что-то угрожает. У меня нет ни того образования, ни тех навыков, какими обладала ваша мать. И мне не верится также, что юная женщина – бальзам для вашей израненной души – каким-то образом окажется в опасности. Уж если на то пошло, все стрелы падут в первую очередь на вашу голову. Всем врагам известно, что вы не успокоитесь, пока не вытрясете правду из мертвецов.

– На мне проклятие, – заметил он.

– Вы верите в проклятия? – спросила она весело.

– Смотря что понимать под этим. Проклятый? Да. Я живу в аду. Можно ли снять заклятие? Разумеется. Но для этого надо найти смысл всех моих деяний, – произнес он, насупившись.

Эвелин покачала головой:

– Объяснить? Прелестная молодая женщина, любящая вас, невзирая на ваш уродливый облик и ваше прошлое, – такое создание способно преобразить Карлайл – и замок, и человека – конечно, если вы пожелаете. Пожалуй, мы могли бы кого-нибудь... нанять на работу.

– Я говорю серьезно! – произнес он.

– Я тоже. Честное слово, вам надо все время любоваться красавицей. Она будет сопровождать вас в светских салонах, она докажет, что вы человек.

– Ничего не скажешь, славно я потрудился над своим имиджем ангела во плоти! – бросил он, сардонически усмехаясь.

– Да, это было полезно, – согласилась Эвелин. – На наши владения никто не посягал – до этого дня.

– Никто – потому что мы ничего об этом не знали, – огрызнулся он.

– Брайан! Пора изменить отношение к жизни.

– Я не успокоюсь, пока не доведу все до конца.

– Вы можете не успеть.

– Неправда! Успею.

Она вздохнула:

– Замечательно, теперь поймите и меня. Пора извлечь некоторые уроки из ваших шарад, Брайан. Вы выжали все, что можно, из теней прошлого, но не желаете успокоиться. По правде говоря, вам пора вернуться в общество. У нас есть подходящее приглашение на благотворительный вечер. Вы же знаете, мы всегда сотрудничали с просветительскими учреждениями, и на это предложение стоит обратить внимание. Что может быть лучше? Вы будете общаться с теми, кто разделял увлечение ваших родителей чудесным миром древних эпох. Вы мне сами сказали, что ваш список подозреваемых сократился до предела.

Разволновавшись, он встал из кресла и начал расхаживать перед камином. Аякс, чуя настроение хозяина, заскулил. Брайан остановился.

– Ну-ну, все хорошо, малыш, – сказал он, успокаивая собаку. Затем снова взглянул на Эвелин: – Да, мы ищем того, кто сведущ в этой области. Определенно. Но мы также ищем натуру, способную совершить изощренное преднамеренное убийство, – именно так были убиты мои родители.

Эвелин немного помолчала. Прошел год с тех пор, как погибли граф и его супруга, но и поныне больно вспомнить об ужасных обстоятельствах их смерти.

Брайан подошел к столику за креслами, плеснул в бокал бренди, выпил его залпом и посмотрел на Эвелин.

– Простите, милая, совсем забылся, – произнес он. – Выпьете бренди?

– Не откажусь, – улыбнулась она.

Он налил ей немного, затем наполнил свой бокал, поднял его и сухо произнес:

– За эту ночь. За тьму и тени.

– Нет, за этот день и за свет, – твердо возразила она.

Брайан скривился.

– Говорю вам, пора, – настаивала Эвелин. – Обязательно подыщем вам обворожительную юную женщину. Не слишком богатую и родовитую, ни к чему дразнить гусей... Сами подумайте, с вашей репутацией, кто поверит в такое? Но подходящая пара непременно найдется. Молодая, симпатичная, умеющая сопереживать, к тому же обладающая неким шармом. С такой женщиной вы сможете продолжить свое дело спокойно, вам не придется выслушивать причитаний ее матери о бедной девочке, отданной на растерзание чудовищу, – и для процветания Карлайла так лучше.

– И где же мне сыскать такую обворожительную красавицу? – спросил он, ухмыляясь. – Она должна быть достаточно образованна – и очаровательна, как вы описали, иначе это не сулит мне ничего хорошего. Не стоит нанимать особу с улицы. Могу поспорить, нам не удастся отыскать там такую прелесть – нежную красавицу, умеющую вовремя умное слово вымолвить. Так что надежды мало. Разве что сама невеста постучится в наши двери!

И тут же раздался настойчивый стук в дверь кабинета.

Шелби, облаченный в ливрею, вошел, услышав повелительный отклик хозяина.

– Молодая особа желает видеть вас, лорд Брайан. – Лакей был в полной растерянности.

– Молодая особа? – переспросил Брайан, нахмурившись.

Шелби кивнул:

– Да, очень красивая молодая женщина ожидает у ворот.

– Молодая женщина! – воскликнула Эвелин и многозначительно посмотрела на Брайана.

Брайан пожал плечами:

– Как ее имя? Зачем она явилась?

– Так ли уж это важно? – проронила Эвелин. – Следует пригласить ее – она сама ответит на все вопросы.

– Эвелин, разумеется, это важно. Она, верно, полная дура, если сама явилась сюда. Или на кого-то работает, – сказал Брайан.

Эвелин взмахнула рукой:

– Шелби, приведите ее сюда. Немедленно. Брайан! Прошу вас, оставьте свои подозрения. – Он приподнял бровь. – Брайан, умоляю! У нас не было гостей уже... много лет! – Она покраснела. – Я могу подать восхитительный обед. Так заманчиво!

– Заманчиво, – сухо проронил Брайан и поднял руки, сдаваясь. – Шелби, просите сюда эту молодую особу.

Глава 2

Камилла тщательно продумала каждый свой шаг, вплоть до найма экипажа и их костюмов. Ральф выглядел импозантно в одном из повседневных костюмов Тристана, дополненном приличным головным убором – этакий опрятный, достойный молодой человек – скромный, из служащих. Сама она надела свое лучшее платье, очень женственный темно-бордовый наряд: корсаж со скромным вырезом, небольшой турнюр, атласная верхняя юбка и кружевной край нижней юбки, изящными фестонами выглядывающие из-под подола. Такой наряд, по ее мнению, подходил достойной молодой женщине – пусть она и не располагает большим состоянием, зато обладает всеми необходимыми качествами для достижения своей цели в жизни.

Конечно, ей жаль было денег, потраченных на дальнюю поездку в наемном кебе, но кучер был обходителен, вполне доволен платой и поспешил заверить ее, что непременно дождется их, чтобы отвезти обратно в Лондон. Она стояла у массивных ворот замка Карлайл, рассматривая тяжеловесные чугунные завитушки наверху ограды.

– Вы что, решили вдвоем штурмовать эту стену? – ошеломленно обернулась она к Ральфу.

Он виновато пожал плечами:

– Ну, если пройти чуть дальше вдоль стены, там есть выемка. Туда легко можно поставить ногу, ну и потом... Я подпихнул Тристана наверх, а он втащил меня. Я, наверно, все ребра себе переломал, пока выбирался отсюда, – мне снова пришлось лезть через эту стену, да еще огромная собака гналась за мной. А может, и волк, если он их и вправду развел здесь... но все равно. Мне удалось убежать, клянусь, меня никто не видел.

Краска стыда залила лицо Ральфа: он понял, что Камилла несколько не верила его рассказам.

Она уже потянула за толстый шнур, свисающий с ворот, – видимо, он был соединен со звонком где-то в замке.

– Тристан там, внутри, – прошептала она.

– Ками, честно, я не сбежал! – оправдывался Ральф. – Просто я не знал, что еще можно сделать, вот и пришел к тебе.

– Я знаю, что ты не покинул его, – утешила его Камилла и добавила: – Тише! Сюда идут.

Послышался цокот копыт, и за воротами показался наездник. Он спешился, рост у него был изрядный, а плечи такие широкие, что он, похоже, едва пролезал в двери. Не юнец, но и не старик. За тридцать, прикинула она. Он мощно протопал к воротам и посмотрел на них сквозь прорези.

– Слушаю вас, мадам?

– Добрый вечер, – поздоровалась Камилла, невольно смутившись: резкий тон детины не сулил им ничего хорошего. – Простите, что явились в столь поздний час незваными гостями, но мне необходимо увидеться с хозяином замка, графом Карлайлом, по делу весьма важному и безотлагательному.

Она помолчала, ожидая вопросов, но их не было. Мужчина, насупившись, продолжал смотреть на нее исподлобья, затем отвернулся.

– Простите! – выкрикнула она.

– Узнаю, примет ли вас хозяин, – сурово проронил он, оглянувшись на ходу.

Он снова взгромоздился на лошадь и унесся вскачь в темноту по заросшей дорожке, что вела к замку.

– Скажут, что с ним нельзя увидаться, – уныло проронил Ральф.

– Он должен принять нас. Я так и буду стоять у ворот, пока он не согласится, – утешила его Камилла.

– Пожалуй, любой мужчина расстроится, если узнает, что леди дожидается его ночью у ворот. Но не забудь – мы имеем дело с чудовищем, – напомнил Ральф.

– Он увидится со мной, – упорствовала Камилла, расхаживая перед воротами.

– Никто из замка не идет сюда, – огорчился Ральф.

– Ральф, кучер в экипаже дожидается нашего возвращения, но я не могу уйти отсюда без Тристана. Если сию же минуту никто к нам не выйдет, я стану звонить в колокол, пока не сведу их с ума этим звоном, – распалилась Камилла.

Она стояла, выжидая, скрестив руки на груди.

Теперь Ральф принялся расхаживать перед воротами.

– Никто не идет, – повторил он.

– Ральф, но ведь замок не рядом с воротами. Слуге наверняка пришлось доехать до замка, найти хозяина, а затем нужно еще возвратиться к нам.

– Мы так и заночуем под воротами, – пророчествовал Ральф.

– Что ж, тебе ли не знать, как нарушать границы частных владений, – поддразнила Камилла.

– Тогда надо приниматься за дело.

– Надо ждать, – твердо сказала Камилла.

Она боялась, что Ральф окажется прав – ее проигнорировали, и оставалось только ждать под воротами, не смея уйти без ответа. И совсем было отчаялась, но послышался топот копыт и громохание колес.

На дорожке показался кабриолет с изящным кожаным верхом. Гигант, правивший лошадей, спрыгнул с сиденья и подошел к воротам. Он отомкнул висячий замок большим ключом, снял задвижку и распахнул ворота.

– Не откажите в любезности проследовать со мной. – Эти вежливые слова он произнес все тем же суровым тоном.

Камилла ободряюще улыбнулась Ральфу и последовала за ним. Ральф замыкал это шествие. Гигант подал Камилле руку, помогая подняться в коляску, а Ральф вспрыгнул следом за ней.

Экипаж покатиł по длинной извилистой аллее. Их окутала тьма, казалось бесконечная и непроглядная. Но Камилла понимала, что днем они видели бы мощные стволы деревьев, нависающих над густым подлеском вдоль аллеи. Видимо, хозяину Карлайла нравилось жить в одиночестве, уж слишком его владения походили на некую богом забытую глухомань. Конь рысью мчался по аллее, и Камилле казалось, что лес, захлебываясь эхом, разинув пасть набегает на них, стремясь поглотить заблудшую душу.

– Вы что, и вправду мечтали найти здесь сокровища? – прошептала она Ральфу.

– Ты еще не видела замок, – шепнул он в ответ.

– Вы оба спятили! Пусть Тристан остается здесь, – медленно произнесла она. – Такой беспросветной глупости я еще не видела.

Наконец из темноты проступили очертания замка. Сохранился даже ров с водой и широкий подъемный мост, но его, видно, давно не поднимали, подумала Камилла, поскольку вряд ли сюда рвались армии, призванные осаждать эту крепость. Однако с первого взгляда было ясно: не так-то просто проникнуть сюда. Стены замка весьма внушительны, и окошки расположены достаточно высоко, видны лишь узкие прорезы.

Всю дорогу она посматривала на Ральфа, и злость ее нарастала. О чем думали эти двое болванов?

Экипаж прогремел по мосту. Они въехали на большой внутренний двор, и она увидела то, что могло привлечь Тристана: двор был уставлен пленительными статуями и изящными поделками античных веков. Вот ископаемая ванна для купания – греческая или римская, подумала она, – красиво вписанная в интерьер двора в качестве современного корыта-поилки. Вдоль внешней стены тянулся ряд саркофагов, и дорожка к парадному входу тоже была обставлена всяческими редкостями. Замок явно подвергался перестройке, с тем чтобы сделать его пригодным для обитания в нынешнем, XIX веке. Входные арки были красиво скруглены, а с башенки сверху свисали виноградные гроздья, гостеприимно изливая свою благодать.

Пока Камилла обзревала двор, подошел гигант и помог ей выйти из коляски. Эти артефакты должны находиться в музее, подумала она с негодованием, но в то же время сознавая, что многие вещи, почитавшиеся ею за ценности, запросто приобретают богатые любители заморских путешествий. Она краем уха как-то слышала странные новости о том, что за мумиями теперь не приходится ездить в дальние края – их во множестве продают для растопки каминов, ради развлечения гостей. Но здесь были представлены незаурядные образцы древнеегипетского искусства – пара огромных ибисов, несколько изваяний Изиды и статуэтки неких неизвестных фараонов.

– Пойдемте, – сказал гигант.

Они поднялись вслед за ним к парадной двери. За ней оказался овальный вестибюль, его форма была некогда задумана с тем расчетом, чтобы прорвавшиеся враги могли быть окружены здесь и отсечены от узкой горловины длинного коридора. Теперь здесь просто стряхивали уличную грязь.

– Позвольте?

Мужчина взял накидку Камиллы, а Ральф же мертвой хваткой вцепился в свое пальто. Гигант пожал плечами:

– Пройдемте.

Они прошли в следующую дверь и оказались в великолепном зале. Современная отделка выгодно подчеркивала старинный интерьер, и комната выглядела божественно. Каменная лестница поворачивала вверх, к балкону, ступеньки были покрыты пушистой ковровой дорожкой благородно-синего цвета. На стенах, под потолком, было развешено оружие, с ним соседствовала прекрасная живопись – портреты, религиозные сцены и пасторали. И многие холсты, несомненно, принадлежали кисти великих художников.

В массивном очаге пылал огонь. Мебель вокруг очага была обита темно-коричневой кожей, но тем не менее нисколько не казалась суровой. Уютные плюшевые накидки располагали к беседе.

– Вы подождите здесь, – приказал мужчина Ральфу. – А вы, мадам, пойдете со мной, – обратился он к Камилле.

Ральф посмотрел на нее, как напуганный щенок, оставленный в канаве. Она чуть склонила голову, дав ему понять, что все идет как надо, и пошла вслед за мужчиной вверх по лестнице.

Он провел ее в комнату, где громоздилось тяжелое бюро и тянулись бесконечные полки с книгами. Сердце прыгнуло у нее в груди: их так много! И она сразу наткнулась взглядом на главный предмет ее страсти. Внушительный том «Древнего Египта» соседствовал с книгой, озаглавленной «Жизнеописание

Александра Великого».

– Хозяин скоро к вам выйдет, – сказал гигант, выходя из комнаты и закрывая за собой дверь.

Камилла осталась одна в огромном помещении и сразу ощутила, насколько здесь тихо. Но постепенно в ночной тишине начали проявляться разные звуки. Откуда-то издалека донесся заунывный волчий вой. Затем, словно в ответ этому зову, веселый сноп искр с треском метнулся в очаге слева от входа.

На маленьком столике стоял хрустальный графин с бренди в окружении изящных бокалов. Камиллу так и подмывало схватить бокал, наполнить его спиртным и осушить до дна.

Она отвернулась и заметила позади бюро большой живописный портрет красивой женщины, одетой по моде прошлого десятилетия. Прелестные золотистые локоны обрамляли лицо, сиявшее улыбкой. Особо выделялись ее глаза – ярко-синие, как сапфиры. Камилла заворуженно подошла поближе.

– Моя мать, леди Абигаил Карлайл, – услышала она глубокий низкий голос с грозными нотками.

Камилла повернулась, удивляясь, что не слышала, как открылась дверь. Но тут же изумилась настолько, что вынуждена была старательно следить за собой, чтобы невзначай не застыть с разинутым ртом – настолько ужасен был вид этого лица в маске.

На вошедшем, как она поняла, была кожаная маска, точно пригнанная под очертания его лица. Нельзя сказать, что она была отвратительна – скорее вполне художественна, – но каким-то образом внушала страх. И у нее даже мелькнула мысль, что такая маска могла быть изготовлена именно с этой целью.

Камилла подозревала, что он наблюдал за ней некоторое время, прежде чем заговорить, но когда он успел войти?

Наконец ей удалось разомкнуть уста, и она, надеясь, что простояла перед ним с открытым ртом не так долго, вымолвила:

– Какая прекрасная живопись. – Она постаралась, чтобы голос ее не дрожал, но не знала, насколько преуспела.

– Да, благодарю.

– И очень красивая женщина, – добавила искренне.

Камилла вполне понимала, что глаза под маской внимательно наблюдают за выражением ее лица. И по слегка искривившемуся рту, видимому из-под края маски, она поняла, что он усмехнулся: видно, не впервые слышал подобные любезности.

– Она и в жизни была красивой, – произнес он и размашисто шагнул к гостье, заложив руки за спину. – Итак, кто вы такая и какое дело вас сюда привело?

Камилла улыбнулась и любезно подала руку, ненавидя себя в этот момент за вынужденную роль светской пустышки, – она никогда не была таковой и быть не желает.

– Камилла Монтгомери, – представилась она. – Я очутилась здесь потому, что отчаялась найти человека. Мой дядя – и мой опекун – пропал, последний раз его видели на дороге около этого замка.

Карлайл долго смотрел на ее протянутую руку, затем вежливо поклонился и взял ее ладонь. Он прикоснулся к ней шершавыми губами и тут же отдернул руку, словно коснулся горячих углей.

– А-а, – только и проронил он и прошел дальше, мимо нее.

Он был не так высок, как тот гигант у ворот, но точно не ниже метра восьмидесяти пяти; мужественность его широких плеч подчеркивал изящный смокинг. Аккуратная, подтянутая фигура, ноги длинные и мускулистые – он казался мужчиной сильным и проворным, – не важно, красив он лицом или уродлив. Чудовище? Может быть. Она до сих пор ощущала адский пламень его губ на коже и прикосновение длинных сильных пальцев.

Он молча стоял к ней спиной, – рассматривал картину на стене.

Наконец она кашлянула.

– Лорд Стерлинг, прошу принять мои искренние извинения: я глубоко сожалею, что побеспокоила вас в столь поздний час, не предупредив о визите заранее. Но я, как вы понимаете, безмерно опечалена. Дорогой мне человек, мой воспитатель, пропал бесследно, а эти леса таят в себе много опасностей. Головорезы или волки... могли подстеречь его в ночное время. Я весьма обеспокоена и полагаю, что имею право обратиться к человеку, занимающему столь высокое положение в обществе, ваше сиятельство.

Он обернулся к ней, явно развеселившись:

– Полно вам, дорогая! Весь Лондон уже обсудил мое высокое положение – соответственно и репутация!

– Репутация, сэр? – произнесла Камилла. Это было ошибкой с ее стороны.

– Ну конечно, изверг и выродок! Будь я всего лишь графом Карлайлом – безупречно достойным и уважаемым, вы не дрожали бы от страха под теми воротами, почти не веря в то, что вас примут, милая девушка.

Он выговаривал ей бесстрастным тоном, ясно давая понять, что притворяться бесполезно.

Она едва не отступила под его взглядом, но сдержалась – ради Тристана.

– Тристан Монтгомери где-то здесь, сэр. Он путешествовал с компаньоном и пропал за воротами вашего поместья. Но я ручаюсь за него и желаю забрать его отсюда, немедленно.

– Так вы родственница этого отъявленного плута, который сегодня вечером лез на мои стены, словно заурядный воришка, – протянул он невозмутимо.

– Тристан вовсе не отъявленный плут, – горячо возразила Камилла, воздержавшись от дальнейших опровержений. – Сэр, я полагаю, он сейчас находится в этом замке, и не уеду без него.

– Тогда, смею надеяться, вы готовы здесь заночевать, – бесстрастно высказался он.

– Так он здесь! – воскликнула Камилла.

– Да, конечно. Ведь он чуть не расшибся, стараясь облегчить мое существование.

Камилла сглотнула комок в горле и постаралась взять себя в руки. Она никак не ожидала, что мужчина окажется настолько черств и бездушен, что будет так безжалостно откровенен. И тревога вновь уколола ее сердце.

– Он ранен? Сильно? – спросила она.

– Будет жить, – сухо бросил он.

– Отведите меня к нему!

– Всеу свое время, – отговорился Карлайл. – Позвольте мне отойти на минуту? – На самом деле он не спрашивал ее позволения, просто дал понять, что снова желает оставить ее одну и ему безразлично, как она отнесется к его грубости. Он размашисто зашагал к двери.

– Подождите! – воскликнула она. – Я должна непременно увидеться с Тристаном. Немедленно.

– Повторяю, вы сможете увидеться с ним. В свое время.

Граф вышел, оставив Камиллу в одиночестве. Она провожала его взглядом, смущенная и рассерженная. Зачем он согласился принять ее – только затем, чтобы снова исчезнуть после непродолжительной перепалки?

Она бродила по комнате, пытаясь успокоиться, рассматривала книги, чтобы как-то скоротать время. Но заголовки бессмысленной чередой проплывали перед ее глазами, и она присела в кресло у камина.

Он признался, что Тристан здесь. Ранен! Уличен в воровстве?

Боже праведный! Разве можно ей спокойно сидеть, когда ее опекун лежит где-то здесь, ему больно, он, возможно, жестоко изранен!

Камилла вскочила с кресла и рванулась к двери, но, открыв ее, застыла от ужаса. Там была собака. Огромная. Чудище просто сидело у порога, но его морда едва не ткнулась ей под грудь! Псина тихо зарычала, Камилла закрыла дверь и вернулась к камину, потрясенная и разгневанная. Неужели этот пес готов разорвать в клочья всякого, кто осмелится сдвинуться с указанного места? пылая от ярости, она снова подошла к двери. Но не успела взяться за ручку, как дверь распахнулась.

Нет, это был не граф Карлайл, как она думала. В комнату вошла женщина. Среднего возраста, привлекательная, со смешинкой в глазах и непритязательной улыбкой. На ней было прелестное жемчужно-серое с серебристым оттенком платье, и ее теплая улыбка была совсем неожиданной в этой обстановке.

– Добрый вечер, мисс Монтгомери, – сказала она приветливо.

Камилла поздоровалась и добавила:

– Боюсь, этот вечер оказался для меня вовсе не добрым. Мой опекун задержался здесь в гостях, да и я, похоже, в заключении.

– В заключении? – воскликнула женщина.

– Там за дверью собака или чудище какое-то зубастое, – объяснила Камилла.

Женщина широко улыбнулась:

– Это Аякс. Не обращайтесь на него внимания. Он очень ласковый, если познакомиться с ним ближе. Правда.

– Я не уверена, что расположена знакомиться с ним ближе, – пробормотала Камилла. – Мадам, прошу вас, я уже отчаялась увидеть моего опекуна.

– Действительно, так можно и совсем отчаяться. Но сначала о главном. Не хотите ли бренди? Я заказала ужин для вас и графа, его скоро подадут. Я – Эвелин Прайор, экономка. Граф попросил меня также подготовить для вас комнату.

– Комнату? – ужаснулась она. – Миссис Прайор, прошу вас, я приехала, чтобы забрать Тристана домой. Если ему нужен уход, я смогу о нем позаботиться.

– Что ж, мисс Монтгомери, – грустно промолвила миссис Прайор, – боюсь, граф замыслил подать иск на вашего опекуна.

Камилла поморщилась и понурила голову:

– Я не верю, что у него были дурные намерения.

– Наш хозяин думает иначе, – небрежно заметила женщина. – Но... что ж, вам и в самом деле надо побеседовать с глазу на глаз.

Эвелин Прайор была прелестна и разумна, для этой крепости – даже слишком. Здесь, в мрачных стенах, она легка, как ветерок, и светла, словно летний день. Однако и она сочла необходимым упрекнуть Камиллу за желание забрать Тристана и отбыть восвояси.

Камилла попыталась заговорить сквозь подступавшие слезы:

– Я готова возместить убытки...

– Мисс Монтгомери, я не уполномочена обсуждать с вами вину или невиновность вашего опекуна, так же как и компенсации. Если вы пожелаете, я провожу вас в столовую хозяина. Через некоторое время вам позволят увидаться с опекуном, а затем проводят в вашу комнату на ночлег.

– Нет, мы не можем здесь остаться! – упорствовала Камилла.

– Вам придется погостить. Врач сказал, что вашего опекуна нельзя пока никуда перевозить. У него сильные боли.

– Я смогу позаботиться о нем, – с жаром заверила ее Камилла.

– Сегодня он не в состоянии путешествовать. Вас мы, разумеется, не можем задерживать здесь, но ваш опекун пока нуждается в нашем гостеприимстве.

Женщина была вполне учтива и даже улыбалась ей, но Камилла, слушая ее, чувствовала, как холодок ползет по ее спине. Остаться здесь? Среди этих дремучих, мрачных лесов? Нет, она в жизни никогда не видела ничего подобного. С этим мужчиной в маске – властным, угрюмым, резким? Похоже, у себя в замке он привык быть извергом, необузданным в своих желаниях.

– Я... я...

– Верно! – Женщина засмеялась. – Мы наслаждаемся здесь одиночеством, но не огрубели сердцем, как вы могли подумать. Вы найдете здесь утешение, если останетесь с нами. Что бы там ни судачили о репутации его сиятельства, но он граф Карлайл, как вам известно. Его ранг налагает высокую ответственность перед государством, он удостоился доверия ее величества, милостивой королевы Виктории.

Камилла опустила голову, стараясь скрыть румянец, проступивший на ее щеках. Миссис Прайор прочитала все ее мысли.

– Я приехала со слугой. Он остался ждать в большом зале, – сказала Камилла.

– Что ж, мы позаботимся, чтобы его разместили здесь на ночь, как подобает, мисс Монтгомери. А сейчас пойдемте со мной.

Камилла слабо улыбнулась и последовала за ней – а что еще ей оставалось делать?

В холле сидела собака. Пес посмотрел на Камиллу так же подозрительно, как и его хозяин. Даже взгляд был похож – из-под нависших бровей.

– Все хорошо, малыш! – сказала миссис Прайор, потрепав собаку по холке.

Гигантский волкодав вильнул хвостом.

Камилла старалась держаться поближе к миссис Прайор. Они пересекли узкий холл и прошли в дальние помещения восточного крыла замка. Дверь была на виду, в самом торце крыла, миссис Прайор толкнула створку, и она сразу открылась. Хозяин замка ждал ее.

Здесь, в приемной своих частных апартаментов, он устроил раздвижные кулисы: за ними открывался вид на мрачный лес. Что-то в том дремучем лесу привлекло его внимание, поскольку, когда появились миссис Прайор и Камилла, он стоял, расправив плечи и заложив руки за спину, и вглядывался в темноту.

Был накрыт стол: изысканная белая скатерть, сервиз тонкого фарфора – горячие блюда на тарелках под серебряными купольными крышечками, – сияющие столовые приборы и хрустальные бокалы. Два стула.

Миссис Прайор кашлянула, но Камилла была уверена, что граф Карлайл и без того знал, что они здесь. Он просто не счел нужным повернуться к ним.

– Мисс Монтгомери, сэр, – сказала она. – Я оставляю вас вдвоем.

Она провела Камиллу в комнату и вышла, дверь закрылась.

Хозяин наконец обернулся.

Он указал на стол, подошел и выдвинул стул, приглашая ее сесть. Она не решалась.

– Ах да, простите. Наверное, вам, дорогая гостья, представляется весьма отвратительной идея сесть за обеденный стол с изувеченным мужчиной, носящим маску?

Он изъяснялся галантно, но с явной издевкой. Хочет задеть ее? Или испытать?

– Полагаю, вы выбрали для себя довольно странную маску, сэр, но это ваше право. Мало что может отбить у меня аппетит, а внешность никогда не влияла на мои отношения с людьми.

Ей почудилось, что он слегка улыбнулся под маской, чуть удивленно.

– Какое, однако, благородство, мисс Монтгомери! Это ваше искреннее суждение или лишь слова, что я желал бы услышать?

– Полагаю, сэр, любой мой ответ вы поставите под сомнение, как и все слова, что я уже произнесла. Достаточно сказать, что я не испытываю голода, и просто рада разделить с вами трапезу, чтобы спокойно обсудить ситуацию, в которой оказался мой опекун.

– Итак, дорогая гостья?.. – Он приглашающим жестом указал на стул.

Она уселась.

Он обошел стол, уселся сам и приподнял серебряную крышку с ее тарелки.

Аромат, до тех пор витавший в ночной прохладе, дохнул на нее в полную силу – он был восхитителен. На тарелке оказался рассыпчатый картофель и аппетитный ломтик жареного мяса, сдобренный изящно нарезанной морковью. Она не перекусывала в тот день после завтрака, да и тогда удовольствовалась всего лишь булочкой с джемом.

– Одобряете такое блюдо, мисс Монтгомери? Боюсь, весьма заурядное, зато быстро готовится, – сказал он.

– В самом деле, оно кажется необычным, но своевременным при таких обстоятельствах, – вежливо ответила она. Заметив, что он не приступает к еде, дожидаясь ее, взяла вилку и нож и аккуратно отделила кусочек мяса. Вкус был восхитителен, под стать аромату. – Великолепно, – одобрила она.

– Я рад, что вам понравилось, – пробормотал граф.

– Что касается моего опекуна... – начала Камилла.

– Тот еще вор, да.

Она вздохнула:

– Милорд, Тристан не вор. Я даже предполагать не берусь, что заставило его проникнуть за эти стены, но у него не было никаких причин заниматься кражей.

– Вы вполне обеспечены, так? – проницательно спросил он.

– Нам вполне хватает на жизнь, – ответила Камилла.

– То есть он пришел сюда не по мелочам, а надеясь найти некое сокровище.

– Вовсе нет! – возразила она, замечая, как граф подозрительно насупился на ее замечание о том, что они не нуждаются в деньгах. Ну да, с миру по нитке – дешевый трюк, как ни крути. – Лорд Стерлинг, – произнесла Камилла, стараясь выразить интонацией все свое негодование, раздражение и уверенность в себе. – У вас нет никакого права подозревать моего опекуна в покушении на кражу вашей собственности. Он...

– Он уверяет, что появился в моих владениях случайно. Вы видели ворота и стены. Трудно пройти там случайно, вы согласны?

Манеры его были безупречны, несмотря на маску, скроенную так, что закрывала его щеки и переносицу, но рот оставался свободным. Внезапно ей стало любопытно, что за внешность таится под маской. Неужели ужасный шрам настолько обезобразил его лицо, что он вынужден носить эту кожаную нашлепку?

Говорил он вполне свободно, и его спокойный тон почти рассеял ее страхи.

– Но я пока не виделась с Тристаном. Вы мне не позволили, – напомнила она. – Я не представляю, что привело его сюда. Знаю только, что надо доставить его домой, и как можно скорее. Клянусь вам, у него нет – и не может быть – никакой причины воровать.

– Вы сами вполне состоятельны?

– А вас это сильно удивило бы, сэр?

Он положил вилку и нож и окинул ее оценивающим взглядом:

– Да. Ваше платье прелестно, и вы умеете его носить, но, насколько я понимаю, оно несколько старомодно. Вы прибыли не в своем экипаже, а в наемном кебе, который, между прочим, уже отослали в Лондон.

Камилла напряглась, предвкушая печали грядущего дня. Как можно скорее надо вытаскивать отсюда Тристана, иначе можно распрощаться со своей столь желанной и жизненно важной работой.

Она положила вилку и нож.

– Возможно, у меня и нет огромного богатства, сэр. Но не в вашем смысле этого слова. Судьба наделила меня иным богатством: способностями и умением их применить. Я работаю, сэр, и получаю еженедельное жалованье.

Его синие глаза сузились так, что ресницы почти сомкнулись. Она резко вздохнула, поняв, что он превратно истолковал ее слова.

– Как вы смеете, сэр! – взорвалась она.

– Что я смею?

– Я не занимаюсь этим!

– Чем вы не занимаетесь?

– Тем самым, о чем вы думаете!

– Тогда чем же? – недоверчиво спросил он.

– Вы просто грубиян! – Разъяренная Камила забыла сейчас о Тристане и совсем уж было собралась отбросить салфетку и подняться с места.

Граф накрыл ладонью руку Камиллы, удерживая ее на месте. Ему для этого пришлось потянуться через стол, и она теперь близко видела его лицо и

чувствовала его напряжение – странное и жгучее – и мощь его стальной хватки.

– Мисс Монтгомери, мы сейчас обсуждаем важный вопрос, а именно: следует ли мне посадить вашего опекуна под арест. Если вы в поисках истины предпочитаете выискивать обиды, то обижайтесь в первую очередь на себя. Я всего лишь повторяю свой вопрос: чем вы занимаетесь?

Она почувствовала, как в ее груди поднимается волна гнева, но ей надо было смутить его взглядом и не дрогнуть, чтобы выйти на свободу, пока борьба еще имеет смысл.

– Я работаю, сэр, на музей, на отдел египетских древностей! – прошипела она.

Если бы она без обиняков доложила ему, что работает проституткой, то, верно, не услышала бы в ответ такого зловещего тона.

– Что вы делаете?

Слова графа слились в сплошной рык. Его реакция ошеломила ее, она нахмурилась и повторила:

– Полагаю, я выразилась достаточно ясно. Я работаю на музей, на отдел египетских древностей.

Он стремительно поднялся из-за стола, опрокинув стул.

– Я работаю абсолютно официально и, уверяю вас, вполне владею своей специальностью! – разъяснила она.

К ее непомерному удивлению, он теперь столь же свирепо ринулся вокруг стола.

– Милорд Стерлинг! – воззвала она, поднимаясь со стула.

Но его руки уже легли ей на плечи, и он уставился на нее с такой ненавистью во взгляде, что она не на шутку испугалась за себя.

– И вы заявляете, что ничего здесь не искали?! – рыкнул он.

Камилла прерывисто вздохнула:

– Вы думаете, что я искала здесь что-то? Я пришла вызволить отсюда человека, которого люблю. Мне искренне жаль, сэр, но ваше благородное происхождение еще не оправдание для диких, дурных манер – и насилия!

Его руки соскользнули с ее плеч, и он отступил на шаг. Но его глаза продолжали метать синие молнии, словно он хотел пронзить ее насквозь своим взглядом.

– Случись мне обнаружить, мисс Монтгомери, что ваши слова лживы, заверяю вас со всей определенностью, что вы даже и представить теперь не можете, до какой степени совершенства могут дойти мои дурные манеры и насилие.

Поморщившись, граф резко отвернулся, словно ему было невыносимо противно смотреть на нее. Он размашисто зашагал к двери и вышел. Дверь за ним захлопнулась с таким треском, что казалось, весь замок вздрогнул в ответ.

Он ушел, а Камилла, дрожа всем телом, так и стояла, уставившись на дверь.

– Вы и в самом деле мерзавец! – наконец выкрикнула она, уверенная, что он уже далеко и не слышит ее.

Дверь приоткрылась. Она замерла в ожидании.

Это была миссис Прайор.

– Бедняжка! – воскликнула она. – У него такой свирепый характер. Я пытаюсь заставить его понять это, но... честно говоря, он умеет быть добрым и очаровательным.

– Мне надо увидаться с моим опекуном. Я должна забрать его отсюда. – Камилла постаралась собрать остатки сил и добавила с чувством собственного достоинства: – И увезти подальше от этого чудовища.

– О боже! – всплеснула руками миссис Прайор. – На самом деле он не так уж и страшен. Видите ли... он просто шокирован, что вы работаете в музее, милая гостья.

– Но у меня вполне достойная работа! – сказала она.

– Да. Но... – Миссис Прайор слегка наклонила голову, изучающе рассматривая Камиллу. Наверное, она достаточно одобрительно отнеслась к тому, что увидела, и негромко пояснила: – Видите ли, все дело в том, что ваши работодатели – те, что работают в том отделе, – все были там, когда...

– Когда что?

– Когда убили родителей его сиятельства, – ответила миссис Прайор. – Это не ваша вина, дорогая, однако... Так пойдемте же, пожалуйста. Я отведу вас к вашему опекуну. – Она минуту помолчала. – Честно говоря, милая, он, может быть, несколько страшен лицом и, видимо, по этой причине иногда и срыгается, но нельзя отрицать тот факт, что вся его жизнь пошла наперекосяк из-за тех безжалостных убийц.

Глава 3

Камилла едва поспевала за Эвелин.

– Подождите, пожалуйста. Я, конечно, слышала подобные пересуды. Да и весь Лондон наслышан об этом. Возможно, если бы я знала подробнее о том, что тогда случилось, я смогла бы...

Слово «помочь» так и не слетело у нее с языка, потому что в этот момент Эвелин внезапно замерла на месте и распахнула дверь. Камилла, разогнавшись, едва не уткнулась носом в ее спину. Но Эвелин заговорила так, будто и не слышала всего того, что Камилла высказывала ей на ходу.

– Пройдите, дитя. Ваш опекун здесь.

Все мысли о графе и его мерзких выходках вылетели из ее головы, пока она, мигая, вглядывалась во мрак затемненной комнаты. В камине бился огонь, и неверные тени метались по углам. Камилла почувствовала, как сердце сжалось в груди, когда она наконец отыскала взглядом фигуру человека, покоившегося на кровати. Он был недвижим.

– О боже! – Она прерывисто вдохнула и задрожала, колени ее подкосились.

Эвелин быстро обернулась и успела подхватить Камиллу под руки – иначе та осела бы на пол.

– Нет-нет, милая! Он так метался, что мы решили дать ему настойку опия. Он не умер. Впрочем, какую чепуху я несу. С ним все в порядке. Он, вероятно, еще не скоро придет в себя, но я вряд ли смогу помочь привести его в чувство. – Эвелин, казалось, потеряла присущее ей самообладание, как видно сопереживая неподдельному горю Камиллы и ужасаясь ее бурным эмоциям.

Не умер, не умер, не умер! Только эта мысль и билась в мозгу Камиллы. Остальные слова Эвелин канули в небытие, и Камилла в нашла в себе силы метнуться через всю комнату к кровати. Она склонилась над Тристаном – на лице румянец, дыхание глубокое и ровное.

Пока Камилла в нерешительности стояла над спящим, боясь прикоснуться к нему, он засопел и испустил мощный храп. Покраснев, она оглянулась на Эвелин Прайор, которая осталась ждать у двери.

– Как видите, вполне жив, – ласково уверила ее Эвелин.

Камилла кивнула и снова посмотрела на своего опекуна. На нем была роскошная льняная пижама – он никогда не носил таких вещей, это уж точно. Как видно, за ним хорошо ухаживали и обращались вполне уважительно. Судя по всему, чудовище Карлайла желало привести своих пленников в божеский вид, прежде чем предъявить им иск.

Она опустилась на колени перед ложем Тристана, нежно обняла за плечи и приникла головой к его груди.

– Тристан! – ласково прошептала она, и слезы навернулись ей на глаза.

Как бы ни грешил он в своей жизни, но он искупил все свои ошибки, когда спас ее, когда отдал ей все, что имел. Но зачем же он поступил так сейчас, когда она наконец достигла своей цели в жизни и могла сама позаботиться о семье?

– Жалкий фантазер! – пробормотала она, поднимая голову и отирая слезы. – Тристан, за каким чертом тебя сюда принесло? – с чувством прошептала она.

Он снова всхрипнул, заморгал и встретился с ней взглядом. Глаза его увлажнились от нежности – такую слабость мужчины редко обнаруживают.

– Камилла, малютка! Камилла... – Тристан нахмурился, словно сомневаясь в реальности ее появления здесь. Но такое усилие слишком утомило его. Глаза его закрылись, и она услышала только его глубокий вздох.

– Вот видите? – отозвалась Эвелин из дверей. – Вполне обихожен. Пойдемте теперь, милая. Я провожу вас туда, где вы сможете прилечь и поспать.

Камилла поднялась с колен, поцеловала Тристана в лоб, поправила его одеяла, затем повернулась и пошла к Эвелин. Женщина вышла вместе с ней из комнаты, плотно закрыла дверь и, ничего не сказав, достаточно проворно снова устремилась по коридору.

– Миссис Прайор, – проговорила Камилла, едва за ней поспевая, – я вижу, что с моим опекуном все в порядке, но вы же понимаете: я хочу непременно отвезти его домой.

– Сочувствую вам, но полагаю, Брайан все же намерен подать иск.

– Брайан? – озадаченно прошептала она.

– Граф Карлайл, – терпеливо пояснила миссис Прайор.

– Но зачем же? Нельзя так поступать!

– Надеюсь, вы сами сможете сказать ему это утром. О боже! Далась же вам эта работа в музее!

– Миссис Прайор, мне хорошо известно, что от яда египетских змей многие успели пострадать. В тех пустынных краях их предостаточно.

Миссис Прайор пристально посмотрела на Камиллу, и этот взгляд заставил ту поежиться, словно она выдала сейчас нечто такое, чего трудно ожидать от умной девушки.

– Вот и ваша дверь, мисс Монтгомери. Наш замок большой, и планировка довольно запутанная, его все время перестраивали, еще с норманнских времен, и архитекторы не всегда выбирали наилучшее решение! Полагаю, вам лучше воздержаться от ночных прогулок по замку. Могу похвастаться нашим новшеством: к вашей спальне примыкает удобная ванная комната. Ночные сорочки и туалетные принадлежности оставлены там для вас. Ну а утром, моя милая, так или иначе все решится.

– Да... благодарю вас. Хотя подождите! Возможно, если бы я знала больше...

– Граф ожидает меня, мисс Монтгомери. Приятных снов.

– Ах! Но Ральф, наш слуга...

– Тоже обихожен! – бросила миссис Прайор на ходу и скрылась за углом.

Несколько обескураженная такой бесцеремонностью, Камилла вышла в коридор, намереваясь догнать женщину и попробовать с ней объясниться.

Но навстречу ей, с той же бесцеремонностью, из-за угла вышел адский цербер. Он уселся в коридоре и уставился на нее. Она и не знала никогда, что охотничья собака может глумливо скалиться на человека, но именно эта гримаса обозначилась на морде животного.

Она погрозила ему пальцем и клятвенно заверила:

– А вы, сэр, получите за все – в свое время!

Собака зарычала.

Камилла быстро отступила в комнату, захлопнула дверь и, припав к створке спиной, закрыла глаза; ее сердце колотилось, и в груди бушевали противоречивые чувства. Она открыла глаза и шумно вздохнула.

Комната выглядела потрясающе. Кровать с красивым, в драпировках, пологом была покрыта вышитым стеганым одеялом жемчужного оттенка, и сверху горка из множества подушечек. Вся остальная обстановка была... в египетском стиле.

Удивляясь такому выбору, она подошла к туалетному столику и заметила, что украшения были копиями оригинальных египетских раритетов, они перемежались современным викторианским декором, что создавало несколько причудливый интерьер помещения. Простой гладкий столик был увенчан трехстворчатым зеркалом с резным символическим изображением бога-покровителя Гора – как водится, с распростертыми крыльями. Огромный сундук для белья украшали иероглифы, так же как и высокий гардероб. На стульях, что стояли около портьер, тоже была резьба в виде крыльев всемогущего Гора.

Камилла обернулась и поразились огромному изваянию фараона. Она подошла ближе и прищурилась. Статуя была настоящей. Хатшепсут – женщина-фараон, накладная борода демонстрировала мужество женщины-правительницы.

Несомненно, эта статуя бесценна! Но почему здесь, в комнате для гостей? Ведь здесь не музей, подумала Камилла сердито.

По другую сторону дверей она обнаружила еще одно изваяние в натуральную величину – богини Анат. Эта богиня войны была призвана защищать фараона во время битвы. Обычно ее изображали со щитом, копьем и боевым топориком. Это изваяние было немного повреждено. Однако и это была находка исторической значимости. Бесценная реликвия! Здесь, в гостевой комнате!

Камилла отступила на шаг и подумала, не нарочно ли ее поселили сюда. У многих женщин сдали бы нервы от соседства с такими изваяниями. Она представила, как была бы напугана благородная дева – из тех, что впервые готовятся выехать в свет, – проснувшись среди ночи и заметив во тьме грозные силуэты богов. Впоследствии она верещала бы о кровавых убийствах, в полной

уверенности, что статуи заклятого замка ожили и покушались на нее ночью... В отблесках пламени камина они действительно казались жутковатыми, призналась себе Камилла.

– Но я не боюсь! – сказала она вслух, затем поморщилась. Похоже, она убеждает в своем бесстрашии неких давно почивших мертвецов или мифических персонажей. – Какая чепуха! – прошептала она себе под нос.

На прикроватных тумбочках стояли зажженные светильники. Обе лампы тоже были украшены египетскими орнаментами. Но поражало то, что на обеих был изображен бог плодородия Мин с огромным поднятым фаллосом, в головном уборе с двумя перьями. Камилла никогда не считала себя ханжой, однако...

Покачав головой, она решила, что ее поселили в эту комнату только потому, что графа рассердила ее правда – о том, что она работает в музее. Наверняка он отослал ее сюда из чувства мести. Она улыбнулась. Отлично!

Камилла отважилась продолжить осмотр спальни и раздвинула портьеры за стульями. Там, как и положено, оказались окна. Она поняла, что некогда они были без рам и не такие широкие, как теперь. Оконные ниши демонстрировали толщину каменных стен замка, и это впечатлило ее больше, чем египетские артефакты. В незапамятные времена такие стены защищали замок Карлайл от стрел и мечей врагов. Теперь граф укрывался за этим надежным каменным бастионом от английского света.

Она невольно вздохнула при этом сравнении, ее так и подмывало вернуться к Тристану и как следует отчитать его – пусть даже он и не услышит. Но она знала, что за дверью ее встретит тот цербер, недремлющий страж. Она решительно отмела все эти мысли, подошла к кровати и взяла льняную сорочку, намереваясь принять ванну.

Туалетные принадлежности были, как и обещано, приготовлены, а банное помещение оборудовано по-современному: ванна, унитаз и водопровод. У графа, видимо, были искаженные понятия о справедливом возмездии, если он полагал, что эти древние ископаемые нарушат ее сон, тем не менее ванная была выше всяких похвал – она прежде и мечтать не могла о такой роскоши.

В ванной горела свеча, рядом стоял поднос с бренди и бокалами. Она решительно пустила горячую воду, разделась донага, налила себе бренди и уселась в массивную ванну.

Как странно! Этот вечер принес ей столько несчастий – но вот она здесь, нежится в горячей ванне и не спеша потягивает бренди. Нахмурившись, Камилла напомнила себе, что ситуация пока крайне напряженная.

Она и вправду почувствовала некое физическое напряжение, только не поняла отчего. Шестое чувство предупреждало ее об опасности. Она затаила дыхание: похоже, слышны какие-то звуки. Не шелест. Не шаги... Как будто... камень скребет по камню.

Она выждала, но звук не повторился. Может, ее воображение разыгралось? Внезапно из-за двери спальни раздался яростный лай. Что бы там ни потревожило ее чувства, но собака тоже почуяла это.

Камилла едва не выронила бокал с бренди, но все же ей удалось поставить его на коврик на полу. Она выскочила из воды и накинула парчовый халат, висевший на двери ванной. Первое, что пришло ей в голову, – надо бы запереться в комнате, но затем ее обуяло инстинктивное желание отыскать источник шума, столь досадившего ей.

Она влетела в спальню и услышала, как кто-то зовет ее.

– Мисс Монтгомери! – Граф Карлайл выкрикивал ее имя.

Она ринулась к двери, и та внезапно распахнулась. Они оба стояли теперь у порога, лицом к лицу. Его синие глаза сквозь прорези дьявольской маски пристально смотрели на нее – растерянную и испуганную, с разметавшимися волосами, в едва накинutom халате.

Она запахнула полы халата, судорожно разыскивая пояс.

В комнату вбежал пес. Он молча уселся у ног хозяина и застыл, напряженно принюхиваясь.

– Гмм. – Граф Карлайл кашлянул. – У вас все в порядке? – спросил он.

Ее голос куда-то пропал, и она просто кивнула.

– Вы слышали что-нибудь? – требовательно спросил он.

– Я... не уверена.

Он досадливо поморщился:

– Мисс Монтгомери, вы или слышали нечто, или же нет. Здесь был кто-то? – Он нахмурился, поскольку явно сомневался в такой возможности, но считал, что должен задать такой вопрос.

– Нет!

– Но вы что-то слышали?

– Я... так не думаю.

– Вы не думаете? Тогда зачем выскочили сюда из ванной полуодетой, словно все демоны ада гнались за вами?

– Мне показалось... я не знаю, – сказала Камилла, вздернув подбородок. – Какой-то скрежет, непонятно откуда. – Она приосанилась. – Но вы и ваш пес сами видите: здесь никого нет. Полагаю, такие древние стены иногда скрипят.

– Н-да, – протянул он вполголоса.

Камилла всей душой ненавидела эту маску. Она прятала все, кроме глаз, и обезоруживала ее, заставляя чувствовать загнанной. Она снова гордо выпрямилась:

– Я задержалась здесь не по своей воле, но надеюсь, что меня оставят в покое в столь поздний час.

К ее удивлению, граф явно не желал уходить.

– Вы полагаете, в этой комнате... беспокойно?

– Нет. Вы надеялись на иное?

Он нетерпеливо махнул рукой.

– Я не имею в виду декор, – сказал он.

– А что же?

– Тот скрип или что-то еще, что вы – и мой чудный монстр – явно слышали.

Камилла покачала головой, подумав, что, в некоем смысле, ее выставили набитой душой. «Да! Мне хочется бежать из этой комнаты», – кричал ее внутренний голос. Но она не выкажет своих страхов перед этим мужчиной, никоим образом.

– Я вполне довольна и желаю остаться здесь одна, – произнесла она.

Граф пристально посмотрел на нее, и она подумала, что на этом он учтиво откланяется. Однако у него были другие соображения, и он сказал совсем не то, что она ожидала услышать.

– Тогда я оставлю собаку.

– Что?

– Обещаю, пока Аякс охраняет вас, никакие скрипы и стоны вам не угрожают.

– Аякс ненавидит меня! – сказала она.

– Не смешите. Подойдите сюда. Погладьте его по голове.

Камилла недоверчиво взглянула на графа.

Ничего страшного – он просто улыбался ей.

– Вы боитесь собаки?

– Сэр, не смешите меня. Я весьма уважительно отношусь к этим животным.

– Так за чем же дело стало? Вам нечего бояться, если я поручаю ему охранять вас.

Камилла шагнула вперед, стараясь ничем не обнаружить своего страха. Но сердце ее заколотилось чаще. Не из-за собаки. Из-за того, что этот мужчина стоит теперь рядом с ней.

Он крепко взял ее за руку – не жестко, а просто нетерпеливо. Затем положил ее ладонь на голову пса. Тот заскулил и постучал по полу хвостом.

Камилла почувствовала его прикосновение – теплое и живое. Ей пришло в голову сравнить графа со свернувшимся кольцом змеем – напружиненным, полным скрытой энергии. Его внутренний жар гипнотически завораживал. Она слегка подалась назад и взглянула на него:

– Я нисколько не боюсь. Уверена, ваш пес...

– Вы ему нравитесь.

– Как мило, – пробормотала она.

– Правда, нравитесь. Он умеет чувствовать характер человека. Ваш опекун его весьма настораживает.

Она выдавила из себя кривую улыбку:

– Вы желаете напомнить, милорд, что мы здесь на положении заключенных? И нас... задабривают? Что-то вроде того?

Она ожидала его гнева, но он иронически улыбнулся:

– Вроде того. Я оставлю здесь Аякса ради своего спокойствия и уверенности, что вы останетесь целы и невредимы в это темное время суток. Спокойной ночи, мисс Монтгомери.

– Пойдите! – запротестовала она.

– Спокойной ночи, – повторил граф, повернулся и вышел, прикрыв за собою дверь так, что было ясно: любые протесты бесполезны.

Камилла проводила его взглядом сердитым и недоверчивым. Неужели он оставил собаку только потому, что подозревает ее? Или же потому, что хочет оградить ее от посягательств? Ее охраняют или остерегаются?

Аякс все смотрел на девушку, покусывая, затем он подобрался к ней поближе, повилывая хвостом. Камилла снова потрепала его за ушами. Огромные глаза преданно смотрели на нее.

– Ах, какой ты, оказывается, замечательный и красивый мальчик, – заговорила она с ним. – Зачем ты так рычал на меня и скалил зубы? Хотел произвести впечатление?

Лампы внезапно замигали, хотя никакого сквозняка не было. Аякс глухо заворчал.

– Что там, малыш? – прошептала Камилла и невольно поежилась. Статуи оставались недвижимы, комната была пуста. – Знаешь, малыш, пойду-ка допью бренди. Честно тебе скажу – я рада, что ты со мной.

Аякс, должно быть, поверил ей. Когда она погасила лампы – все, кроме ночника на тумбочке, – он прыгнул на кровать и лег у ее ног. Хорошо, что кровать была достаточно велика и что чуткий страж останется с ней на всю ночь.

* * *

Наутро Камилла поздравила себя с первой победой – она подружилась с псом. И теперь могла свободно ходить по замку.

Она намеревалась сразу отправиться в комнату к Тристану и вывести его оттуда прежде, чем хозяин замка успеет их заметить. Камилла смогла бы защитить Тристана, если бы точно знала, что он сотворил и что об этом известно графу. Но когда она вышла из двери, ее приветствовал тот самый гигант, который привез их сюда ночью. Неужели он все утро простоял у нее под дверью? Похоже что так.

– Его сиятельство ждет вас в зимнем саду, – мрачно произнес слуга.

– Какой сюрприз, – пробормотала она. – Проводите, пожалуйста.

Аякс трусил рядом, пока слуга вел ее по коридорам, через площадку нижнего этажа, в противоположное крыло замка. Здесь был огромный зал – похоже, балльный, за ним открывался еще один светлый зал. Сквозь ряд окон вдоль потолка пробивались лучи утреннего солнца, освещая мраморный пол и обои на стенах.

Граф стоял в зале, заложив руки за спину, и смотрел в высокое окно, выходящее в сад.

– Доброе утро, мисс Монтгомери, – сказал он, обернувшись к Камилле. Он был в маске, из-за этого она внимательно вглядывалась в его глаза – темно-синие, пронизательные.

– И в самом деле, доброе.

– Удалось вам выспаться после вчерашнего беспокойства? – вежливо осведомился граф, словно она была здесь желанной гостьей.

– Я отлично выспалась, спасибо.

– Аякс не беспокоил?

– Он просто ягненок, мне миссис Прайор так и сказала.

– Стараются, – с удовольствием согласился он. – Что ж, позавтракайте со мной, мисс Монтгомери. Надеюсь, наш стол вам понравится. Омлеты, овсяная каша, тосты, джем, бекон, рыба...

– Я не привыкла к плотным завтракам, лорд Стерлинг, однако благодарю вас за щедрость. Мне не хотелось бы злоупотреблять вашим гостеприимством.

Он улыбнулся несколько мрачно:

– Гостеприимство нас нисколько не разоряет.

– Более чем заметно.

– Приношу мои искренние извинения за свое неподобающее поведение вчера вечером, но вы захватили меня врасплох. Итак, вы работаете на музей?

Камилла глубоко вздохнула:

– Я достаточно умна для этого, уверяю вас.

Он подошел к столу, накрытому белоснежной скатертью, заставленному сияющей посудой и сотейниками на жаровнях. Налил в чашку кофе из кофеварки.

– Чаю, мисс Монтгомери? Или вы предпочитаете кофе?

– Чай – это замечательно, спасибо, – улыбнулась она.

– Как долго вы уже работаете в музее? – спросил он.

– Примерно полгода.

– И появление вашего опекуна никак не связано с вашей работой здесь? – За внешне вежливыми словами таилась нешуточная угроза.

Камилла подумала, что он ей больше понравился в непритворном гневе. Сейчас ее раздражали его по-кошачьи мягкие движения и приторная любезность.

Она взяла из его рук чашку с чаем, вздохнула – ничего не поделаешь – и уселась на стул, который он предупредительно выдвинул. Сам он присел рядом, развернув свой стул так, что его колени почти касались ее платья.

– Лорд Стерлинг, заверяю вас, Тристан никоим образом не связан с моей работой! – Она не стала уточнять, что всегда старалась как можно меньше посвящать своего опекуна в дела музея. – Клянусь, я получила работу благодаря знаниям, труду и упорству! И сейчас ужасно боюсь потерять место из-за всех этих событий, – добавила она с горечью. – Сэр Джон не потерпит прогулов.

– Сэр Джон?

– Сэр Джон Мэттьюз. Он мой непосредственный начальник.

– Но за работой отдела надзирает лорд Дэвид Уимбли, – едко заметил граф.

– Да-да, но лорд Уимбли редко... – Камилла не решилась сказать, что он редко появляется в музее. – У него много обязанностей. Ему все время приходится разъезжать по делам. Сэр Джон печется о сохранности музейных коллекций и следит за их надлежащей экспозицией. Он тесно сотрудничает с двумя опытными коллегами, Алексом Миттлмэном и Обри Сайзмором. Они часто выезжают в археологические экспедиции. Когда поступает новый экспонат, лорд Уимбли приходит в музей и проводит экспертную оценку вместе с сэром Хантером Макдональдом. Они решают, какие образцы следует закупить для музея, и распределяют гранты на исследования и экспедиции.

– А в чем разбираетесь вы? – спросил он требовательно.

Камилла слегка покраснела:

– Я разбираюсь в иероглифах. И очень люблю свое дело, у меня достаточно терпения и аккуратности для работы с артефактами.

– Как вы получили эту работу? – спросил граф напряженно.

– Однажды я пришла в музей, когда сэр Джон работал там без коллег. Я зашла посмотреть обновленную экспозицию времен Нового царства, а как раз в это время привезли посылку с образцами. Сэр Джон никак не мог отыскать свои очки, и я помогла ему расшифровать резную надпись на камне. Ему был нужен такой помощник. Затем он посоветовался с коллегами, и меня приняли на работу.

Граф не сводил с нее пристального взгляда все время, пока она говорила. Камилла чувствовала себя неловко и волновалась, поскольку не привыкла, чтобы ее рассматривали, словно музейный экспонат.

Она поставила чашку на стол.

– Не понимаю, почему вы все время подозреваете меня во лжи или притворстве, я не ищу здесь никакой выгоды. Вы можете спросить обо мне любого, с кем я знакома, и поймете, что я говорю правду. Однако эта работа очень важна для меня. – Она чуть замялась. – Мой опекун... в общем, его прошлое не совсем безупречно. Я делаю все, что в моих силах, милорд, чтобы мы жили достойно. И очень огорчилась, что Тристан упал через стену вашего...

Граф прервал ее излияния сдавленным смешком:

– Подумать только! А я вознамерился было верить каждому вашему слову! – воскликнул он.

Камилла почувствовала, что вскипает от гнева, – он имел полное право смеяться над ними. Она встала:

– Боюсь, лорд Стерлинг, вы просто хотите отомстить мне и Тристану, и я ничего не смогу поделать, если вы решите воспользоваться вашей властью. Могу сказать лишь, что очень дорожу своей работой, а Тристан иногда совершает глупости и плутует, но он никогда не замышлял зла. Что ж, коль скоро вы намерены выдвигать против нас обвинения – поступайте как должно. Если я вскоре не появлюсь на работе, меня наверняка уволят. Но это, возможно, уже не важно, поскольку я никогда не отрекусь от Тристана. Как только вы подадите иск, пойдут слухи – и я все равно лишусь работы.

– Присядьте, прошу вас, мисс Монтгомери, – проговорил граф устало. – Признаюсь, я до сих пор испытываю некоторую... озабоченность, смею так

выразиться, относительно вас обоих. Тем не менее могу дать вам шанс. Подыграйте мне. Если вы готовы сотрудничать, мы сейчас же доставим вас на работу, и я лично прослежу, чтобы вам не высказали никаких упреков за опоздание.

Ошеломленная, Камилла молча застыла на месте.

– Присядьте. Допейте чай.

Она опустилась на стул, недоуменно изогнув бровь.

– Но...

– Я давненько не бывал в музее. Даже и не знал, какая там у вас сложная иерархия. Думаю, прогулка после завтрака мне не повредит. – Он поднялся из-за стола. – Смею надеяться, вам хватит пяти минут, чтобы подготовиться к выходу.

– А как же Тристан?

– Ему необходимо денек побыть в постели.

– Но я почти не общалась с ним. Мне надо забрать его домой.

– Не сегодня, мисс Монтгомери. Шелби подгонит карету к воротам музея как раз к закрытию.

– Но...

– Да? Что еще я упустил из виду?

– Мне... надо домой. И еще Ральф.

– Ральф может сегодня поухаживать за вашим опекуном. Его не отпустят. Я распорядился поселить его при кузнице во дворе.

– Лорд Стерлинг, как вы можете держать у себя узников?

– Могу! Полагаю, узницам и узникам удобнее пребывать у меня, нежели в тюрьме, вы не находите?

– Вы хотите меня купить! Шантажируете! – Камилла задохнулась от негодования. – Вы развлекаетесь, играете со мной!

– Да, но вы умная девушка, так что вам следует играть по моим правилам.

Он повернулся к выходу, не сомневаясь, что Камилла последует его совету. Аяксу, возможно, она и понравилась, но хозяином он дорожил и поспешил вслед за ним.

Когда они скрылись из вида, Камилла встала со стула.

– Не желаю быть пешкой в этой игре! – произнесла она громко. Затем снова опустилась на стул, устремив застывший взгляд вдаль узкого холла. Да, ее используют в этой игре, как пешку. Но сейчас у нее нет иного выбора.

Сердясь, она допила чай. Затем прошла по коридору из крыла замка к парадной лестнице. Граф Карлайл ждал ее внизу.

Она остановилась перед ним, вздернув подбородок и распрямив плечи.

– Нам надо кое о чем договориться, лорд Стерлинг.

– Неужели?

– Вы должны обещать, что не станете подавать иск.

– Потому что я везу вас в Лондон, на работу? – осведомился он.

– Вы некоторым образом используете меня.

– Так сначала надо убедиться, что вы действительно окажетесь полезны, не так ли? – Он открыл дверь. – Вы отнимаете кучу времени, и, поскольку вчера пожаловали сюда сами, без приглашения, полагаю, что окажу вам большую

любезность, позаботившись о вашем трудоустройстве.

Девушка потупила взгляд и последовала за ним.

Шелби уже подогнал экипаж к парадному входу. Она была так раздражена, что резко отдернула руку, когда граф пожелал помочь ей сесть в карету. Она оступилась, забираясь в карету, но вовремя удержалась. Камилла неловко плюхнулась на переднее сиденье кареты, но сумела принять достойную позу, пока граф усаживался на сиденье напротив. У него была при себе трость с серебряным набалдашником, и он постучал ею по крыше кареты.

Экипаж тронулся с места, и Камилла принялась изучать панораму за окном.

– И что же вы надумали вашей изворотливой головкой, мисс Монтгомери? – осведомился он.

Она повернулась к нему:

– Надумала, милорд, что вам нужен новый садовник.

Он засмеялся, и его смех приятно поразил ее.

– Но мне нравятся мои темные, дремучие леса, заросшие хмелем, – они будоражат и пьянят.

Девушка не ответила и снова уставилась в окно.

– Вас не воодушевляет?

Она посмотрела на него.

– Мне жаль, что вы пострадали, – произнесла она. – Но я также сожалею о том, что такой знатный человек, как вы, заперся от всего света в своих страданиях, в то время как мог бы сделать для людей много хорошего.

– Я не призван отвечать за грехи всего мира.

– Мир становится лучше, если улучшается жизнь хотя бы одного человека в нем, сэр.

Граф слегка склонил голову, так что некоторое время она не могла наблюдать за его сардонической усмешкой и выражением его синих глаз.

– Чего вы от меня хотите?

– Вы многое можете сделать – тысячу дел! – довела она до его сведения. – С таким состоянием.

– Поделить его на тысячу кусочков и раздать акции всем желающим? – спросил он.

Камилла нетерпеливо тряхнула головой:

– Нет, но вы можете привозить сюда детей-сирот из приютов, пусть хотя бы денек побудут на свежем воздухе! Вы можете нанять больше прислуги, обустроить поместье, дать работу многим нуждающимся. Конечно, это не замолит все грехи нашего света, но...

Он резко подался вперед, и она замолчала.

– Откуда вам известно, мисс Монтгомери, что я не вношу свою долю в благие дела?

Граф смотрел прямо на нее, лицо в лицо. Ей прежде не приходилось видеть столь напряженного, завораживающего и презрительного взгляда. Камилла вдруг осознала, что замерла и почти не дышит.

– Неизвестно, – выдавила она из себя.

Он откинулся на спинку сиденья.

– Я кое-что слышала про вас, – сказала она. – Вы – один из самых влиятельных людей в нашем королевстве. Говорят, ваши родители были друзьями самой королевы. Еще я слышала, что вы – один из...

– Из кого же?

Она снова отвернулась к окну, боясь пересказать услышанную где-то сплетню. Тем более что сама была всего лишь дочерью проститутки с портовой окраины Лондона.

– Что вы один из самых богатых людей страны. И если вам так повезло с родословной, следует быть благодарным. Другие тоже потеряли семьи, но они не держат за душой зла.

– Неужели? – Эти слова явно разозлили его. – Скажите-ка, мисс Монтгомери, должны ли убийцы гулять на свободе?

– Разумеется, нет! Но если я правильно поняла то, что слышала, ваши родители умерли от укуса змей. Египетских кобр. Я сочувствую вам, но нельзя же обвинять в этом людей!

Он не ответил и предпочел отвернуться к окну. Камилла поняла, что граф отгородился от всего света не маской, а воздвиг вокруг себя невидимую, но непробиваемую стену из отрицательных эмоций. Ясно: он не хочет более говорить с ней, она же решалась нарушить молчание.

Камилла так и смотрела в окно всю дорогу, пока они не влились в городской поток экипажей и не подъехали наконец к музею. Граф не позволил ей отказаться от его помощи, когда выходила из кареты, он не отпускал ее руку и пока они шли к зданию. По пути граф внезапно остановился и развернул Камиллу лицом к себе.

– Поверьте мне, мисс Монтгомери, существует убийца, который поспособствовал смерти моих родителей. Уверен, это один из тех, кого мы оба знаем, возможно, вы видите с ним почти ежедневно.

Ее сердце сжалось. В это почти невозможно было поверить, но Камиллу убедил лихорадочный блеск его глаз.

– Идемте же, – сказал он и двинулся к дверям. На ходу добавив, как бы между прочим: – Что бы я впредь ни сказал или сделал, соглашайтесь со мной, мисс

Монтгомери.

– Лорд Стерлинг, возможно, я не смогу...

– Сможете, если захотите! – жестко произнес он, и она не стала возражать: они уже подошли к внушительным воротам места ее работы.

Глава 4

Лорд Стерлинг знал, куда идти.

Служащие, равно как и посетители музея, здоровались с ним, стараясь не замечать маски, – с уважением и даже немного заискивая.

– Я работаю в угловом кабинете на... – подала голос Камилла.

– Второсортном этаже, разумеется, – пробурчал он.

Они прошли в служебное отделение, и граф сразу направился к дверям, которые вели в кабинеты, закрытые для посторонних. Камилла поспешно взялась за ручку двери, опережая его. В первом же кабинете они застали сэра Джона Мэттьюза – он сидел за письменным столом перед беспорядочной кучей бумаг.

– Вот и вы, наконец! Дорогая мисс Монтгомери! Вам известно мое мнение о тех, кто не способен придерживаться распорядка дня. Я... – Он замолк, увидев за ее спиной графа Карлайла. – Лорд Стерлинг! – воскликнул Мэттьюз удивленно.

– Джон, коллега, как ваши дела?

– Да я... вполне нормально! – сбивчиво проговорил сэр Джон, явно потрясенный. – Брайан, я ошеломлен, просто восхищен! Следует расценивать твое появление здесь как...

Брайан Стерлинг рассмеялся, довольный произведенным впечатлением.

– ...возвращение на круги своя или желание внести лепту в исследование Древнего Египта? – усмехнулся он.

Над торчащими в стороны усами сэра Джона проступил румянец, в контраст его сединам.

– Боже милостивый, я совсем не то имел в виду, правда. Твоя семья... ты... все были весьма подкованы в древней истории. С твоим энтузиазмом, да снова здесь – просто фантастика!

Камилла приободрилась, увидев улыбку лорда Стерлинга. Она подумала, что, возможно, некогда он был в приятельских отношениях с сэром Джоном.

– У вас доброе сердце, Джон. Действительно, я намеревался заглянуть на ваш благотворительный вечер на этой неделе.

– Бог ты мой! – воскликнул Джон. – Неужели?

Мэттьюз в растерянности посматривал то на Камиллу, то на графа. Он помотал головой, словно пытаясь понять, следует ли придавать значение их совместному появлению здесь, но так и не пришел ни к какому решению.

Стерлинг пристально посмотрел на Камиллу:

– Вы составите мне компанию – да, мисс Монтгомери?

– Ах нет! – быстро сказала она в ответ, чувствуя, как краска смущения заливает ее щеки. – Я пока не старший сотрудник, – тихо пояснила она.

– Мисс Монтгомери не так давно работает у нас, – поспешил добавить сэр Джон.

– Ну конечно же вы проводите меня, мисс Монтгомери.

Он не просил. Упрямство взыграло в ней от его приказного тона.

Сэр Джон, сощурившись, молча продолжал есть подчиненную глазами, гадая, как ей удалось очутиться в компании графа.

– Камилла, если графу угодно, чтобы вы его сопровождали, надо подчиниться.

Стерлинг подошел к Камилле и взял ее за руки.

– Джон! – сказал он, по-прежнему глядя на Камиллу. – Прошу вас! Нельзя говорить с девушкой таким грозным тоном! – Его синие глаза лучились лукавством.

Бог весть, чему Стерлинг научился за эти годы, но актерства ему было не занимать: он казался в меру обходительным и приятным, как и положено воспитанному светскому человеку.

Девушка попыталась высвободить руки, но его хватка была крепкой. Она выдавила улыбку:

– Как любезно с вашей стороны, лорд Стерлинг. Но я слишком скромная персона для вечерних визитов.

– Чепуха. Мы живем в век просвещения. Для вечернего визита трудно найти лучшей компаньонки: молода, красива, умна и прекрасно знает предмет вечерних разговоров.

Улыбка Стерлинга показалась ей мрачноватой, но он явно забавлялся беседой. Она порывалась отдернуть руки и сказать, что лучше проведет этот вечер в притоне с ворами и наркоманами.

– Что... смущает маска, да? – осведомился он.

– Нет, – мягко промолвила она, – в наш век просвещения, милорд, как вы заметили, ни о мужчине, ни о женщине не судят по внешности.

– Bravo! – одобрил сэр Джон.

Но ее мучитель, как видно, натешился и решил не дожидаться согласия.

– Пожалуй, Джон, я все же приду на грядущее благотворительное мероприятие. Можете быть уверены: мое участие в нем с лихвой окупит наши поиски просвещенческих идеалов. Что ж, вас ждут дела, да и я несколько утомил мисс Монтгомери и отнял у вас немало времени. Джон, весьма рад был застать вас в полном порядке – правда, вы, как всегда, немного разбрасываетесь своими талантами, но крепки и бодры. Мисс Монтгомери, Шелби подаст вам карету к... шести, так?

– Обычно я заканчиваю работу в шесть тридцать, – прошептала она, заметив, что сэр Джон теперь смотрит на них открыв рот.

Стерлинг решил удовлетворить его любопытство, поскольку тот явно терялся в догадках, пыжась от напряжения.

– Опекун этой милой девушки попал в дорожное происшествие вчера вечером – и представьте себе, как раз около моего имения. Само собой разумеется, я приютил его. Естественно, мисс Монтгомери поспешила позаботиться о нем. К моему великому восторгу, замок Карлайл и на сей раз явил гостеприимство. Итак, желаю вам обоим приятно провести день.

– В-всего хорошего, Брайан! – Сэр Джон щелкнул челюстью и застыл, глядя в спину Стерлингу: тот с достоинством покидал помещение, как и подобает английскому графу.

Он давно уже скрылся за дверью, и сэр Джон, очнувшись, обернулся наконец к Камилле.

– Боже праведный! – воскликнул он удивленно.

В ответ она смогла только пожать плечами.

– Как все это странно!

– Я и не знала, что все так обернется, – прошептала она. – Я... просто беспокоилась о моем опекуне.

– Несчастный случай? – Сэр Джон нахмурился. – Как он, поправляется? – Он, казалось, расстроился, что за всеми этими невероятными событиями позабыл вовремя справиться о здоровье пострадавшего.

– Да-да, спасибо. Полагаем, он отделался лишь синяками, ничего серьезного.

– Все эти наемные экипажи! – фыркнул сэр Джон. – Носятся как хотят – никакой управы. Ничего удивительного: кто только не берется за вожжи! – Его явно раздражало, что до сих пор нет никаких курсов для обучения кучеров, хотя многие богатые люди, в том числе и его хорошие знакомые, немало вложили денег в эти кебы, нисколько не заботясь о том, кто сидит на козлах.

Камилла улыбнулась, умолчав о том, что «инцидент» не был связан с экипажем или иным транспортным средством.

Он продолжал встревоженно смотреть на нее.

– Просто замечательно, – наконец произнес он.

– Что ж, – пробормотала она, опустив взгляд. – Если вы довольны, тогда...

– Доволен! – вскричал сэр Джон. – Милая девочка, родители лорда Стерлинга так опекали этот музей, вы и представить себе не можете. Более того, они были беззаветно преданы египетскому народу и мечтали, что с помощью иностранных займов египтяне избавятся от нищеты и болезней. А их работа?! – Он задержал взгляд на ее лице и, похоже, решил: – Пойдемте, Камила, я покажу вам кое-что из их наследия.

Она поразились его предложению. До сих пор ей доверяли лишь строго определенную работу – обычно самую кропотливую, – и не более. Но теперь сэр Джон намеревался ввести ее в святая святых – запасники музея.

Он вытащил из ящика письменного стола связку ключей, вышел с ней из кабинета и повел ее вниз по лестницам на цокольный этаж. Коридоры здесь были темноваты, а все помещения заполнены деревянными ящиками: некоторые еще не распаковали, а с некоторыми уже работали. Они прошли мимо ряда посылок, прибывших из Турции и Греции, до самого дальнего, затемненного

отсека. Некоторые коробки здесь были вскрыты. Маленькие ящики стояли так, чтобы освободить проход к саркофагам, которые покоились в длинных контейнерах, вроде гробов.

– Вот! – Сэр Джон раскинул руки, указывая на разбросанные здесь сокровища.

Камилла медленно огляделась. Несомненно, здесь было много ценных вещей.

– Разумеется, здесь только половина всего. Многие артефакты отправились в замок, – сказал сэр Джон и нахмурился. – А несколько посылок просто пропали.

– Может, они тоже в замке?

– Не думаю, – понизил голос сэр Джон. – Но разумеется, транспортировать эти вещи... ах, кто знает! Однако лорд и леди Стерлинг всегда были скрупулезны в работе. Они все записывали... – Он помолчал и растерянно огляделся. – Полагаю, посылки все же пришли, но не важно. Последние их раскопки принесли столько находок, что мы до сих пор не можем как следует изучить их и составить каталоги.

– Родители лорда Стерлинга нашли все это незадолго до смерти? – спросила Камила.

Сэр Джон кивнул:

– Те барельефы с надписями, над которыми вы сейчас работаете, относятся как раз к этим находкам, – пояснил он, печально покачивая головой. – Такая чудная пара! Сознали свою ответственность перед королевой и были так увлечены своими исследованиями! Лорд Стерлинг нашел супругу себе под стать. Ах, леди Стерлинг! Хорошо помню ее. Никто не умел так элегантно и радушно принимать друзей, и старых и новых. Она была поразительной женщиной, просто красавицей. Однако не стеснялась возиться в грязи, на раскопках, расчищала пыль, изучала тексты, пыталась разгадать древние тайны... – Его голос ослабел. – Такая утрата...

Сэр Джон потрянул головой – его седина засеребрилась в призрачном свете газовых фонарей музейного подвала – и печально улыбнулся:

– Я опасался, что Брайан навеки замкнется в своей крепости, – он стал угрюм и обидчив, думает, его родителей убили. Но похоже, наконец нашел в себе силы примириться с прошлым и справиться с горем. И если вы, милая девушка, имеете какое-то отношение к этому возрождению из пепла, я буду считать, что вы – мое самое лучшее приобретение для нашего музея.

– Благодарю вас, сэр Джон. Но вряд ли я так сильно повлияла на этого человека. Ведь мы едва знакомы.

– Но он хочет, чтобы вы сопровождали его на торжественном вечере в честь нашего музея!

– Да, – прошептала Камилла.

Она не стала говорить сэру Джону, чем вызвано желание графа видеть ее своей спутницей.

Сэр Джон нахмурился:

– Камилла, надеюсь, вы понимаете, что этот мужчина – граф Карлайл? Честно говоря, я был поражен: такой знатный человек соизволил искать компании некой простолюдинки. Я не хочу вас обидеть, милая. Просто... как бы это сказать, у нас, англичан, принято блюсти общепринятые нормы.

– Но ведь мы согласились, что на дворе у нас век просвещения, не так ли?

– Он граф, мисс Монтгомери. Пусть его лицо и обезображено шрамом, но поведение – это неслыханно!

Сэр Джон продолжал молча смотреть на Камиллу, так что в конце концов она поежилась, почувствовав себя неким придатком к сиятельному обществу. Она отнюдь не собиралась делиться своими соображениями о том, что граф Карлайл несколько не воодушевился делами музея, а по-прежнему озабочен поисками предполагаемого убийцы своих родителей. И ему было наплевать, благородна она, как золото, или заурядна, как грязь, если он мог использовать ее в своих интересах.

– Вы опасаетесь этого человека? Из-за шрама или из-за его репутации? – счел нужным уточнить сэр Джон.

– Нет.

– Вы не брезгливы, надеюсь.

– Поведение человека и его жизненное кредо могут отвратить больше, нежели внешность, сэр Джон.

– Хорошо сказано, Камилла! – Он зааплодировал. – Что ж, пойдемте! За дело. Пока вы расшифровываете тексты, я с радостью расскажу вам еще что-нибудь об их находках. Естественно, гробницы фараонов всегда считались самыми богатыми. К сожалению, большинство таких захоронений давно разграблено. Надо знать одну особенность гробницы Нефершут, которую исследовала чета Стерлинг: погребенный был верховным жрецом, его почитали, он был богаче, чем Мидас, но его могилу не тревожили. Там еще много кого уложили с ним рядом. Вообще-то египетские обычаи не требуют захоронения жен и наложниц великого человека в одной с ним гробнице, но взгляните на опись этого саркофага! Вот в чем проклятие. – Он нетерпеливо потряс рукой. – Очевидно, всему виной поверье, что на каждую гробницу наложено заклятие и оно переходит на того, кто вскрыл ее. Любовь к таинственности, знаете ли. Мы вскрывали множество захоронений, и обычно на саркофагах не было текстов со строгими предостережениями. Но на тех раскопках – как случилось и прежде – мы обнаружили заклятие внутри самой гробницы. «Тот, кто беспокоит благословленного для Новой Жизни, да будет проклят на земле». Как ни печально, но лорд и леди Стерлинг умерли.

– А кто-то еще из участников раскопок умер? – спросила Камилла.

Сэр Джон медленно поднял брови в раздумье:

– Я... не знаю. Определенно, никто из соратников четы Стерлинг.

Камилла обернулась, услышав странный скрежет оттуда, где покоились мумии в саркофагах.

– Камилла! Вы меня слушаете? – воззвал сэр Джон.

Она смутилась, что так легко отвлеклась. Но сэр Джон явно ничего не слышал. Девушка с опаской подумала, не начинаются ли у нее слуховые галлюцинации под впечатлением от драматических перипетий, которые вознесли ее в заоблачные высоты. Ее увлекала история Древнего Египта и его легенды, но до сих пор она не впадала от этого в слюнявый романтизм. Камилла не верила, что мумии восстают из гробниц, чтобы посягать на живущих.

– Извините. Мне как будто послышался какой-то звук.

– Камилла, мы в музее. Над нашими головами ходят толпы экскурсантов.

Она улыбнулась:

– Нет, я думаю, звук шел отсюда.

Сэр Джон раздраженно вздохнул:

– Вы видите там кого-то?

– Нет. Я просто...

– У других сотрудников тоже есть ключи от запасников, Камилла. У нас в музее много отделов!

Его негодование было вполне понятно: она отвлеклась от важной темы разговора.

– Змеи, Камилла, опасные твари. Всякий, кто путешествует по Египту, понимает рискованность такой поездки. Но эти туристы... Бог их поймет, зачем... косяками сплавляются теперь по Нилу.

Она улыбнулась, но воздержалась от замечания: по ее мнению, всякий имеет право путешествовать, изучать древнюю страну и восхищаться ее чудесами. Даже простолюдины.

– Однако, если кто-то позаботился пустить змей в апартаменты лорда и леди Стерлинг, – заметила Камилла, – можно считать это убийством?

Сэр Джон встревожился. Морщины на его лбу обозначились резче, он быстро оглянулся, словно опасаясь неких преследователей, и покачал головой.

– Нечего и думать о таком! – отрезал он.

– Наверняка ныне здравствующий граф верит в это.

Разгорячившись, сэр Джон затряс головой:

– Нет! И вам не следует делиться такими предположениями. Нельзя высказывать вслух такие мысли, Камилла. Никогда!

Он не на шутку разволновался. Резко повернулся и пошел к выходу, но обернулся, не услышав ее шагов.

– Пойдемте же. Мы и так здесь задержались!

Девушка последовала за ним, сожалея, что высказала свое мнение. Зато уяснила для себя: теперь ей придется работать еще усерднее, учитывая все то, что узнала об этом человеке, проклятии и находке.

– Поторопитесь! – бросил сэр Джон на ходу и оглянулся, чтобы удостовериться, не отстает ли она.

– Конечно, сэр Джон, – ответила Камилла, ускоряя шаг.

В музее уже было полно народу. Она слышала речь британцев, ирландцев и жителей дальних краев, и ей было приятно, что их музей пользуется популярностью.

Камилла гордилась этим музеем, полагая, что он – достойная жемчужина в английской короне. Музей был открыт для широкой публики 15 января 1859 года. В те времена такое учреждение было внове, им управлял попечительский совет при парламенте, и огромные коллекции, выставленные для обозрения,

были приобретены за счет фонда. Вход был свободный. Так что это было единственное место, куда она могла прийти в детстве, держась за руку своей нежной матушки. Секция, где она работала, называлась теперь отделом египетских и ассирийских древностей, и, видимо, им стоило благодарить Наполеона Бонапарта за некоторые особо ценные образцы, поскольку именно этот претендент на мировое господство первым поспешил в Египет вместе со своими историками и лингвистами. Англичане разгромили Наполеона, и большинство собранных им коллекций поступило в Британский музей.

По пути они миновали Розеттский камень, примечательную находку, позволившую дешифровать древнеегипетские иероглифы.

Когда они проходили через один из залов египетской секции, Камилла услышала, как мальчик спросил у отца:

– Папа, а зачем это делать? Хорошо ли раскапывать могилы только потому, что они очень древние? Люди не боятся откапывать мумии?

– Действительно, дорогой, хорошо ли откапывать мертвецов? – спросила мать мальчика – милая особа в стильном муслиновом платье и претенциозной шляпке.

– Дорогая, мы уже столько мертвецов успели потревожить – своих родных и не столь древних! – ответил муж. Он тоже был одет по высокой моде. – Подумать только! Церковные кладбища у нас оскверняют едва ли не повсюду! Реставрация! Это так теперь называется. Под предлогом реставрации убрали все надгробия из собора Солсбери. Честно скажу – просто неприлично! Реставрация – ха! Но эти ребята... мумии то есть, они не нашей веры, сынок, – ответил отец.

Камилла согласилась с тем, что во многих современных «реставрационных» работах проглядывало неуважительное отношение к историческому наследию их собственной страны и к предкам. Ее так и подмывало остановиться и ответить мальчику, что надо уважать не только свою, но и чужую веру. Она могла бы рассказать ему о блестящих изобретениях древнеегипетских строителей, однако ведение экскурсий не входило в ее обязанности. А жаль! Она очень любила предмет своих исследований и была бы не прочь поработать гидом, если ей разрешат. Но она не знала языки и не участвовала в раскопках и пока была вполне довольна той работой, что ей предложили.

Сэр Джон мельком взглянул на нее, предостерегая от неосторожного шага, и она, чуть улыбнувшись ему, последовала дальше.

– А теперь – за работу, – твердо сказал сэр Джон.

Он уселся за письменный стол и склонился над бумагами. Создавалось впечатление, что он глубоко задумался, а может, и тревожился о чем-то, но не хотел показать своей озабоченности.

Камилла взяла свой рабочий халат, висевший на крючке в задней комнате, и вошла в отгороженный угол, где работала над барельефом с иероглифами. Узкая каменная табличка размером два на три дюйма, высотой примерно три фута лежала на длинном столе. Образец был весьма массивный, увенчанный египетской коброй. Это означало, что текст, несущий некое предостережение, освящен самим фараоном. Каждый символ был красиво и тщательно вырезан на камне, но размер значков был очень мал, именно по этой причине ей и поручили возиться с этим барельефом. Старшие сотрудники не сомневались, что на этой табличке всего лишь повторяются другие надписи, оставленные вокруг гробницы.

Покойившийся в гробнице знатный господин пользовался любовью и уважением сограждан. Когда Камилла узнала, сколь много людей было погребено вместе с ним, она прониклась особым любопытством к обстоятельствам погребального обряда. Неужели пришлось убить многочисленных жен и наложниц, чтобы достойно сопроводить его в загробный мир?

Она села за стол и окинула взглядом весь текст. Известно, что Нефершут был верховным жрецом, но из того текста, что она успела расшифровать, следовало, что он был к тому же и неким известным в свое время колдуном. Она посмотрела на записанный ею перевод: «Да знает всякий приходящий сюда, что он ступил на священную землю. Не смейте беспокоить жреца, поскольку он уходит в новую жизнь и заявляет: все, что здесь внутри, принадлежало ему, пока он пребывал на нашей земле, – воистину нам известно. Почитайте и не смейте беспокоить его. Потому что Нефершут управлял и воздушной стихией, и водами. Его длань направляли боги, и Хетре сидела у его престола. Ему дарована жизнь после этой жизни. Его могущество неизмеримо, поскольку она сидит по его правую руку».

– Хетре, – бормотала она себе под нос. – Хетре... кем была ты на самом деле, почему здесь упоминается только о тебе, хотя ты и не названа его женой?

– Верно, коллега здорово колдовала, а?

Камилла испуганно оглянулась. Она не слышала, как вошел сэр Хантер Макдональд. Она выпрямилась, поправила халат и заколола выбившийся из прически локон. Да, он явно застал ее врасплох.

Сэр Хантер выглядел потрясающе. Высок, хорошо одет, густые темные волосы и карие, с поволокой глаза. Она знала, что в свете он зарекомендовал себя отчаянным смельчаком и очаровательным мужчиной – неудивительно, что у него репутация волокиты. Он, может, и в самом деле повеса, но это несколько не портило ему жизнь, поскольку он не был женат или обручен. Матери, отцы благородных семейств полагали, что молодому человеку с таким характером надо поначалу дать перебеситься. Так что этот выгодный жених пока оставался свободным.

Камилла вполне сознавала его притягательность: он пытался очаровать ее любезным обхождением. Но она же не глупа и не собирается повторять несчастную судьбу своей матери. Она с усмешкой сделала себе комплимент: надо же, удостоилась внимания такой сиятельной особы, как Хантер. Вряд ли он станет приискивать себе подходящую партию среди людей ее круга, но и она никогда не соблазнится им ради светских развлечений. Камилла всегда твердо и ясно давала ему это понять. Тем не менее он не оставлял своих попыток ухаживать за ней, из самонадеянности и эгоизма, полагая, что волен удовлетворять свои прихоти так, как ему нравится.

– Ах, дорогая мисс Монтгомери! – продолжал Хантер, подходя к ней ближе. – Наш достославный языковед, красавица – и прячется в закутке, в пропотелом синем халате! – Он склонился над столом, его глаза заблестели. – Увы! Остерегайтесь, дорогая Камилла! Годы уйдут! Вы так и будете зарабатывать свою близорукость, пока не состаритесь, и радости жизни останутся недоступными для вас.

Камилла тихо рассмеялась:

– Особенно такая радость, как вы, сэр Хантер?

Он ухмыльнулся с покаянным видом:

– Я был бы рад прокатить вас по Лондону, вы же знаете.

– Позор мне ни к чему, – парировала она.

– Дерзать не вредно.

– Вам без разницы – дерзать или дерзить, сэр Хантер, – чопорно произнесла она. – А я люблю свою работу! Если мне суждено состариться, я лучше останусь здесь, со своими сединами и близорукостью.

– Нет сил смотреть, как увядает без пользы молодость и красота! – воззвал он.

– Зато вы цветете и упиваетесь этим, – уколола она.

Улыбка слетела с его лица, и он стал серьезен.

– Знаете, я на самом деле озабочен.

– Вы? Отчего же? – осведомилась она.

Он обошел вокруг стола, встал рядом с ней и осторожно поправил локон ее прически.

– Я слышал, вы неплохо развлеклись вчера вечером – и сегодня утром.

– Н-да! Несчастный случай, – пробормотала она.

– Вы провели ночь в замке Карлайл? – настойчиво допытывался он.

– Мой опекун был травмирован. Ничего не поделаешь.

– Желаете знать мое мнение, Камилла? – спросил он, его взгляд был нежен и серьезен.

– Если вы сами этого желаете.

– Я боюсь за вас! Вас нельзя обманывать. Граф Карлайл – чудовище. У него маска и на лице, и на душе. Сэр Джон рассказал мне, что граф сегодня привез вас в музей и настаивал, чтобы вы сопровождали его на благотворительном вечере. Камилла, это грозит неприятностями.

Она приподняла бровь:

– Простите, если я ошибаюсь, Хантер, но не вы ли постоянно изобретаете подобные... неприятности?

Хантер горестно замотал головой:

– Я стараюсь во имя вашей добродетели. Граф Карлайл на грани помешательства. Я опасаюсь за вашу жизнь и здоровье. Камилла, он тянется к вам, как наркоман. Вы вошли в его мир – а там теперь мало кто уживается. – Он кашлянул. – Камилла, я ни за что на свете не обижу вас. Но вы сами понимаете, у нас в обществе очень строгие классовые разграничения. Поговаривают, конечно, что граф по ночам рыщет по улицам Лондона в поисках разных развлечений – ведь он более не показывается в свете из-за уродливого шрама, не посещает салоны благородных девиц, не добивается их расположения. Полагаю, он просто играет с вами, жестоко и гнусно.

Именно это граф и делал, но вряд ли так, как расписывал сэр Хантер.

– Прошу вас, не надо обо мне беспокоиться, – ответила она. – Я и сама справлюсь. – Она сочувственно улыбнулась ему. – Вы в этом уже убедились.

– Но я никогда не был негодяем, никогда! – вскричал он.

– Нет, потому что я умею держать себя в руках.

– Я знаю, как обойти этот острый угол! – воскликнул Хантер. – Мы можем сказать, что вы прежде уже договаривались пойти со мной.

– Хантер, вы очень любезны. – Камилла положила руку на его плечо, поверив, что он действительно обеспокоен. – Но подумайте о скандальных последствиях. В самом деле, даже трудно представить себе, какими неприятностями все это обернется: десятки благородных девиц вцепятся мне в горло за то, что я посмела отбивать вас у них! – Она отшучивалась, но доля правды в ее словах все же присутствовала.

Он взял ее за руки и пристально посмотрел ей в глаза:

– Камилла, нет ничего плохого, если граф Карлайл поверит, что между нами все серьезно. Ведь я довольно скромный сэр по сравнению с ним – он граф. А это совсем другое дело.

– Хантер, вы делаете мне предложение? – пошутила она.

Он замялся:

– Ах, Камилла, вы вселяете в мое сердце соблазн бросить все на ветер...

– А это глупо, – твердо закончила она его фразу. – Полагаю, со мной все будет в порядке. Вы, как никто, должны четко понимать: я знаю свое место и свою работу и поэтому решительно избегаю всего серьезного с теми, кто не стеснен в средствах.

Он нахмурился, переживая услышанное:

– Камилла, знаете, вы просто колдунья... даже больше.

– Хантер, вас околдовывает всего лишь моя недоступность.

Он покачал головой:

– Нет, Камилла. Вы же знаете, у вас колдовские глаза, золотисто-зеленые, как у тигрицы. Вы естественно грациозны, как те классические изваяния, на которые пялятся все мужчины, когда заходят сюда. Вы полны жизненной энергии и умны. Да, вы способны вскружить мужчине голову до такой степени, что он начнет добиваться вашей руки любыми средствами.

Страстность речи Хантера удивила ее.

– Вы подразумеваете, что я, отказавшись от компании графа, могу рассчитывать на... замужество? – спросила она недоверчиво и внезапно рассердилась на себя за то, что готова была поверить в его искренность.

– Камилла, это любовь говорит во мне! Я глубоко восхищен вами и забочусь о вашем благополучии, поверьте!

Она покачала головой:

– Хантер, ваши заботы...

– Заботы? Вам нужен брак? Камилла... да, я сделал бы вам предложение.

Она опешила от такого заявления, но ответила ему:

– Хантер, вы возненавидите меня. Вы будете сожалеть о таком позорном поступке. Скажите еще, что вы желаете распротиться со здравомыслием и жениться на мне. Предвижу, что вы, добившись своего, сразу разочаруетесь во мне – ведь прелесть недоступности исчезнет.

– Пленительная Камилла, вы причиняете мне боль.

– Не лезьте в пекло без нужды, – отрезала она.

– Вы рассчитываете пролезть туда с лордом Стерлингом? В конце концов, он всего лишь граф, а даже короли женились на простолюдинках. Однако, Камилла, вы помните, чем обернулся такой плен для некой незнатной особы.

– Хантер...

– История, милая девушка, – наука наук! Подумайте об Анне Болейн. Она добилась руки Генриха своей недоступностью. И когда он сделал ей ручкой – она потеряла голову!

Камилла невольно рассмеялась:

– Хантер, клянусь, я не готова потерять голову – для меня это слишком обидно. Будь я сиятельной девой, воспитанной в лучших традициях строгих школ, мне подобало бы покарать вас полновесной оплеухой.

Но я слишком рано потеряла родителей, и такие закрытые пансионы оказались недоступны для меня. Поэтому мне, любознательной простушке, можно простить воздержание от оскорблений и насилия!

– Вы смеетесь надо мной, а я говорю серьезно.

– Ах, Хантер, как сладко вы поете. Но нет – я никогда не вышла бы за вас замуж, хотя вы как будто красивы и очаровательны и так добры, что даже отваживаетесь на такие предположения.

– Неужели я не могу увлечь даже вольных простушек?

– Ваше предложение весьма тронуло меня своей искренностью. Особенно потому, что вы не вольны располагать собой. – Он открыл рот, чтобы возразить, но она жестом остановила его и продолжила: – Прошу вас, Хантер! Я не хочу ловить вас на слове, а кривотолки – признайтесь честно – нам ни к чему. И ни к чему уверять меня, что вы можете еще долго так распинаться, презирая мою дерзость. И граф Карлайл не может соблазнить меня по той же причине, поскольку я обладаю тем, что вы сами признали во мне, – интеллектом. И вполне довольна. Я останусь в замке, пока мой опекун не поправится и его можно будет увезти. Я пойду на благотворительный вечер, поскольку граф полагает, что даже в маске, скрывающей его шрамы, он сможет появиться со мной, сотрудницей музея, перед сиятельным собранием коллег. Мы придем сюда, Хантер, мы будем в музее, рядом с вами, Алексом и сэром Джоном. И разумеется, с лордом Уимбли, попечителем нашего созвездия.

Пока Хантер собирался с мыслями, чтобы ответить, дверь распахнулась.

– Камилла! Мне сказали, что... – с места в карьер начал Алекс Миттлмэн, но приостановился, увидев в маленьком кабинете коллегу. – Хантер, – медленно произнес он.

– Алекс.

Алекс был хрупок с виду, и это впечатление усиливалось из-за его льняных кудрей и васильковых глаз. Этот яркий блондин внешне походил скорее на прекрасного юношу, чем на зрелого мужчину. Он бросил на Камиллу хмурый взгляд. Мужчины относились друг к другу уважительно, хотя Алекс частенько жаловался, что Хантер – богатенький денди и не вполне разбирается в предмете. Алекс также претендовал на большее доверие со стороны Камиллы, поскольку полагал, что честно отрабатывает свой хлеб, как и она.

Алекс откашлялся, словно решая, стоит ли ему говорить дальше: Хантер явно был в курсе новостей. Но в конце концов решил отплатить Хантеру той же монетой.

– Вы утром прибыли сюда вместе с Брайаном Стерлингом, графом Карлайлом?

Камилла тихо вздохнула:

– Тристан пострадал в дорожном происшествии у ворот графской усадьбы. Его отвезли в замок. Само собой, он потрясен случившимся, хотя отделался только ушибами и синяками. Естественно, я приехала к нему. И поэтому... вот такие дела.

Мужчины посмотрели на нее, затем переглянулись.

– Вы сказали ей, что он... – обратился к Хантеру Алекс.

– Опасный человек, к тому же, вероятно, с расстроенной психикой, – закончил Хантер его мысль. – Я, правда, выражался не так грубо, но достаточно четко дал понять это.

– Камилла, вам и вправду следует вести себя осторожно по отношению к этому человеку, – сказал Алекс, все еще хмурясь. Он явно встревожился. – Но меня поразило, что сэр Джон, – подумать только! – весьма доволен.

– Граф Карлайл богат, – едко заметил Хантер. – Сэр Джон рад приветствовать такую роскошную находку в этом музее.

Алекс внезапно встрепенулся:

– Я поеду с вами, Камилла. После работы. Мы найдем экипаж и отвезем вашего опекуна домой...

– Алекс, я сам этим займусь, ведь у меня есть свой экипаж, – безапелляционно прервал его Хантер. – Но вы правы, нам следует увезти Камиллу и ее опекуна домой, быстро и осторожно, подальше от этого отвратительного замка.

Камилла изумленно посмотрела на обоих мужчин. До этого они не проявляли такого дружелюбия и любезности по отношению к ней, но теперь явно соперничали, добиваясь ее внимания. И оба из кожи вон лезли, чтобы увезти ее из замка Карлайл.

Алекс, стараясь сохранить перед ней свое достоинство, гордо вздернул подбородок:

– Отлично. У Хантера свой экипаж. Можно, конечно, спастись и там, если вам все равно – вкусно или гнусно.

– Алекс, Хантер... – тихо сказала она, но не успела продолжить, поскольку дверь снова распахнулась.

Явился Обри Сайзмор – последняя спица в колесе их сложенного рабочего экипажа: знаний имел немного, да и образован не блестяще, но страстно увлекался египтологией, был трудолюбив и усидчив. Довольно крупный мужчина, тридцати с чем-то лет, лыс, как бильярдный шар, но с накачанными мускулами. Он легко справлялся с тяжеленными ящиками и был удивительно аккуратен, когда ему приходилось выполнять деликатную работу на раскопках.

Сайзмор уставился на Камиллу, словно перед ним был некий артефакт, внезапно оказавшийся лучшей находкой века.

– Вы прибыли сюда вместе с графом Карлайлом? – требовательно спросил он.

Камилла вздохнула, устав от объяснений, и просто сказала:

– Да.

– Так он снова вышел из замка!

– Да, похоже.

– Вот как! – произнес Сайзмор. – Ну и ладно. Нам же лучше – деньги польются рекой, если он догадался к нам пожаловать. Надо же! Верно, задумал снова покопать. Знаете, физический труд в песчаных пустынях весьма способствует прояснению мозгов.

– Экспедиции его уже не занимают, у него иные планы, – едко заметил Хантер.

– Однако... – пробормотал Обри, разглядывая Камиллу.

– В чем еще вы нуждаетесь, Обри? – спросил Хантер.

Обри скривился:

– А тот скрюченный тип, бес ему в ребро, что перешел к нам из азиатского отдела, – вы видели его?

Все недоуменно посмотрели на него.

– Наш новый коллега. Он бегают где-то у нас, вот уже час. Вспомнил – Арбок, вот как его зовут! Старина Джим Арбок, не видали его?

– Нет, мы не видели такого, – раздраженно ответил Хантер. Он недолюбливал Обри, хотя у того были все необходимые качества для работы в их отделе: груб и силен.

– Я сто раз говорил сэру Джону, что нам нужен работник на полный день! – пояснил Обри. – Мне плевать, что он там подметает за деньги. Главное – время!

– Тогда вы и сами успевали бы везде, – ввернул Хантер.

Обри едва не зарычал на него, но, вспомнив про Камиллу, улыбнулся ей:

– Молодчина, Камилла! Вернули нам такого знаменитого клиента! Нам нет дела до его подмоченной репутации. Может, парня просто обломали. – Он подмигнул ей и вышел за дверь.

Едва он ушел, появился сэр Джон.

– Что здесь происходит? – спросил он начальственным тоном. – Алекс, полагаю, Камилла вполне способна самостоятельно справиться с этим барельефом. Хантер, возможно, вы и член попечительского совета, однако вам не к лицу отвлекать моих сотрудников посторонними разговорами в рабочее время. Лорд Уимбли прибудет к нам с минуты на минуту, и я не желаю, чтобы он застал весь наш отдел за светской беседой – будто нам делать больше нечего!

Алекс обиженно насупился. Хантер лаконично пожал плечами.

– Камилла, поговорим позже, – бросил он и зашагал к двери, приоткрыл ее, собираясь выйти, но внезапно замер на месте.

Обернувшись, он окинул всех троих быстрым взглядом, и затем его темные глаза томно уставились на Камиллу.

– Похоже, кто-то еще присоединится к нашей светской беседе.

– И кто же? – напряженно спросил Алекс.

– Брайан Стерлинг, граф Карлайл, – произнес Хантер, не отрывая взгляда от Камиллы. – Нам следует подготовиться к появлению этого сказочного чуда-юда!

Глава 5

За неплотно притворенной дверью зашикали, но Брайан услышал удивленные восклицания и – неужели? – встревоженный шепоток.

– Лорд Стерлинг? – произнес ошеломленный сэр Джон.

– А я думал, он ушел, – бездумно высказался Алекс Миттлмэн.

– Как видно, нет. Смотрите, я вас...

Не досказав свое предупреждение, сэр Джон вышел в холл и заговорил в полный голос, являя бодрое радушие своим тоном:

– Брайан! Какая честь для нас! Надо же, сто лет не виделись, а сегодня... какая честь для нас!

– Полно вам, сэр Джон, вы меня смущаете, – ответил он, пожимая ему руку.

– Так он... и не уходил никуда! – тихо пробормотал Хантер на ухо Камилле Монтгомери.

Брайан видел ее растерянный взгляд – в ее глазах была та же мысль.

Этот закуток, где все они столпились, явно был рабочим местом Камиллы. Она стояла рядом с Хантером Макдональдом. Алекс нахохлился, как петух на ристалище, настроенный защищать свою территорию до последней капли крови. Даже сэр Джон принял защитную позу. Однако – Брайан мысленно усмехнулся – он готов, хотя и неохотно, уступить графу свою прелестную инженерю, раз уж она смогла снова привлечь его к музею. Интересно...

Хантер выступил вперед:

– Брайан, дьявол вы этакий! Нам так не хватало вас, старина.

И снова – голый энтузиазм и напускная бодрость, одни слова. Они вместе служили и хорошо знали друг друга. Бывало, даже по пабам разгуливали вместе. Приятели, можно сказать. Хантеру нравилось подавать себя как великого путешественника, незаурядного искателя приключений, он гордился своим успехом у дам. Женщин он любил всяких и без разбору.

Сейчас Брайан смотрел на него недоверчиво, словно подозревая в нем возможного убийцу. А может, просто потому, что он стоял рядом с Камиллой? Брайан и сам не знал, откуда вдруг возникла в нем эта нездоровая ревность. Ему хотелось подойти и выдернуть женщину из-под опеки этого ловеласа. Известно ли ей о его похождениях и соответствующей репутации – заработанной и заслуженной? Неужели они любовники?

Камилла всего лишь переночевала в его замке. И он мало ей доверял. В конце концов, она сама пришла в его дом. К тому же работает в музее. Испытывает он только недоверие по отношению к ней или нечто еще? Он уже определился со своей дальнейшей жизнью. И она успела войти в нее. Брайан стоял, наблюдая за ней: оказывается, она красива, необычны и цвет ее волос, и живость ясных глаз. В самом деле, даже этот рабочий халат и несколько выбившихся из прически прядей не портили ее редкой грации и достоинства, ей даже была присуща некая... чувственность.

Брайан не верил, что она в близких отношениях с Хантером. Нет, хуже: ему не... нравилась эта мысль.

– Лорд Стерлинг! – воскликнул Алекс, выходя вперед.

На первый взгляд Алекс мог показаться добряком и мямлей, на самом деле он был не менее опасен.

– Лорд Стерлинг! – повторил он, отважно протягивая руку для рукопожатия.

Брайан пожал ее:

– Алекс, старик. Рад видеть тебя. – Он бросил взгляд на Камиллу. – Я вижу среди вас, трутней, единственную усердную труженицу! – поддразнил он.

Камилле несколько не польстили его слова. Она принужденно улыбнулась:

– Лорд Стерлинг! Приятно видеть возрождение взаимных интересов!

– Слишком долго я был затворником, – тихо сказал он. – Удивительно, правда? Дни идут и складываются в месяцы. Год прошел – как и не бывало. Все словно в

тумане. И затем – нежданная встреча, по странному стечению обстоятельств. Подумать только – дорожное происшествие перед воротами моего замка. Пострадавшим оказывается некий джентльмен, опекающий свою единственную красавицу, труженицу музейного отдела древностей! Правда, я будто спал – и меня... разбудили!

Он неприкрыто насмехался. Даже сэр Джон, желая оградить милый образ от посягательств, шагнул ближе к Камилле.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ньюгейт – тюрьма в Лондоне.

Купить: https://tellnovel.com/dreyk_shennon/nechestivec

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)